

Дан Берг

Ирод

Тель-Авив 2023

Copyright © 2023 by Dan Berg
All rights reserved

Ирод

Вместо предисловия

Ирод (Ордос), царь Иудеи, родился в 73 году до нашей эры и умер в 4 году до нашей эры.

Настоящая повесть не является строго документальной, но представляет собой свободное беллетристическое изложение отдельных деяний Ирода.

Имена некоторых героев изменены. Введены вымышленные персонажи. Диалоги есть плод авторского воображения.

Автор надеется привлечь внимание читателя к яркой исторической фигуре древнего царя.

Дан Берг

*Земля, которую проходили мы, чтобы обозреть ее,
это земля, поедающая живущих на ней.*

“Числа, 13, 32”

Перевод Давида Иосифона.

Глава 1

1

Иерусалим хоронил своего великого и постылого царя. Умер ненавистный Ирод. Казалось бы, в этот час пристало яркому солнцу слать лучи новой надежды народу иудейскому. Но нет, небеса то ли скупались на добрые знамения, то ли знали что-то худое наперед. Сухой неприветливый ветер гнал рваные облака, лишь по временам, будто случайно, открывавшие дневное светило.

Накануне государственный казначей, Птолемей его имя, зачитал завещание покойного венценосца. Наследником престола Иудеи, вассальной провинции Римской империи, Ирод назвал одного из своих сыновей. Настал час междуцарствия, ибо по закону назначение нового монарха может вступить в силу лишь после утверждения императором и римским сенатом.

Царь не был скупым при жизни и по смерти проявил изрядную щедрость. Тысячу талантов он отписал императору Рима. Не обделил своих жен, детей и вольноотпущенников – на всех пришлось пятьсот талантов. Одарил придворных, армейских командиров, простых солдат. Отменно наградил родную сестру Шуламит. И много еще всяческой благости источало завещание монарха, который при жизни страстно желал благодарной людской памяти по себе.

Престолонаследника не остановили затраты на пышные похороны. Усопший покоился на украшенной драгоценными камнями и отделанной серебром

погребальной колеснице. Пестревшее узорами покрывало алого сукна оборачивало безжизненное тело. Мертвое бледно-желтое лицо озаряла алмазная диадема. За головою на маленьком постаменте помещалась золотая корона. Окостеневшая кисть правой руки сжимала царский скипетр.

На другой колеснице, на подушечках черного и пурпурного бархата, были выставлены для обозрения бесчисленные украшения монарха, дабы восторгались и завидовали ценители подлинной красоты.

Ирод по праву слыл знатоком прекрасного. Первейшим архитекторам Рима он щедро платил за постройку изумительных царских дворцов. Стены хором внутри и снаружи выкладывались тончайшего колорита камнями, привозимыми из лучших каменоломен империи. Мастерски разбитые сады оттеняли великолепие чудных сооружений.

Здесь уместно упомянуть еще одно обстоятельство из того же ряда: царь брал в жены (число коих на протяжении жизни его достигло десяти) юных девиц исключительно за красу и пригожесть, смело игнорируя политические и прочие резоны, хотя на иных аренах своей деятельности Ирод отнюдь не игнорировал всякого рода деловую выгоду.

Далее в цепи похоронного шествия следовали отряды стражников – галлы и германцы. Все один к одному, рослые и мощные бойцы в военных доспехах, отборные ратники приданных армии Ирода императорских легионов. За ними шло остальное войско, возглавляемое полководцами и командирами. Вольноотпущенники и рабы замыкали процессию.

Увы, только тщеславие живых потешит траурная роскошь, но ее не оценит мертвый.

Скорбная вереница не спеша двигалась к месту захоронения. Погребальную колесницу окружали здравствующие члены царского семейства – удачники, не заподозренные Иродом в заговорах против него и поэтому не казненные, а также те, кого царь не успел лишить жизни или просто пощадил.

На глазах семейных и чужих не блестели слезы. За каменностью лиц прятались облегчение, радость, страх худшего будущего – только не горе и не печаль. А ведь Ирод страстно хотел, чтобы люди плакали на его похоронах!

2

Не вполне благородное происхождение Ирода всегда вызывало порицание и даже насмешку вероучителей. Отсутствие глубоких иудейских корней доставляло умершему немало бед и обид при жизни. Преемник монарха унаследовал от своего царственного предшественника его неродовитость, а с ней и неуверенность в противостоянии с кормчими веры. Посему, желая во что бы то ни стало строго следовать древнему ритуалу, он сразу после похорон направился сам и повел за собою родню и приближенных во дворец для исполнения незыблемого иудейского обряда шивы – семи дней траура по покойнику.

Разувшись, скорбящие уселись на полу и долго безмолвствовали. Дворцовые слуги обходили сидящих и тихим шепотом предлагали воду и хлеб. Почти никто не решался принять суровое угощение.

Наконец, люди утомились молчанием, стали пересаживаться, собираться в кружки и тихо переговариваться меж собою, вспоминая покойного и деяния его.

- Сегодня Иудея предала земле своего великого царя, - едва слышно, словно обращаясь к самой себе, но в то же время вызывая на разговор окружавших ее мужчин, печально вымолвила Шуламит, сестра Ирода.

- Скорбит весь народ иудейский, и, тем более, мы с Шуламит – ведь это наше семейное горе! - справедливо заметил Ахиаб, племянник покойного.

- Искренне соболезную близким, - с привычной официальной произнес Птолемей, чиновный держатель казны, накануне огласивший завещание царя, - поверьте, кровники, я хоть и не числюсь в монаршем семействе, но все вы, родичи, царя, бесконечно дороги мне, а сам Ирод жил, живет и будет жить в сердце моем!

- Понятна мне скорбь родственников усопшего, - сухо заметил Маттафия, бывший первосвященник, смещенный Иродом со своего поста.

- Тебе понятна наша скорбь, Маттафия? – спросила Шуламит и с сомнением покачала головой.

- У отстраненного от должности есть причины не любить усопшего, - поддержал Ахиаб сестру Ирода.

- Не по сердечной склонности, но по зову веры нахожусь я здесь, - возразил Маттафия, - ибо высокий

сан мой предписывает соболезновать родным и придворным умершего иудейского царя.

- Остерегаю всех: не соскользните в болото политики в дни священного траура! – вмешался казначей.

- Предостаточно худого говорят о брате моем, слишком многим ненавистен он, но придет век, и иудеи вспомнят добром великого сына народа своего! – пафосно произнесла Шуламит.

- А не лучше ли будет не отлагать на века справедливые речи и воздать Ироду должное сей же час? – воскликнул Птолемей риторично, не претендуя на ответ.

- От сердца ли ты говоришь, Шуламит? – усмехнулся Маттафия, - истина ли на устах твоих?

- От сердца я говорю и с истиною на устах. Чего хотел брат мой? Все годы царствования он посвятил борению за любовь к себе – вот стержень жизни его. Разве незаконной цели желал он? Да что пользы желать напрасно, коли некому руку подать, когда душат невзгоды?

- Цель, может, и законная, да средства незаконные! – вновь возразил неугомонный Маттафия.

- Довольно споров! – прервал казначей, - шива все-таки! Нам уместнее вспомнить, как страдал несчастный от недугов, как мужественно крепился и достойно цеплялся за жизнь.

- Нет геройства в страдании от старческих хворей. Болезни есть налог на старость – у одних он больше, у других меньше, но платят все! – постановил Маттафия.

- Был бы с нами врачеватель царский – рассказал бы он о недугах Ирода, - заметил Ахиаб, племянник усопшего.

- Ирод не оставался с лекарем наедине. Для верности залучал меня в свидетели, - сказал держатель казны Птолемей.

- Говори, коли видел и знаешь! – бросила Шуламит.

- Утро обыкновенно встречало Ирода лихорадкой, - начал Птолемей, - она утихала к полудню и сменялась зудом на коже и сильными коликами в животе.

- Это невыносимо! – перебила Шуламит.

- Это невыносимо, но царь терпел, старался виду не подавать, - продолжил казначей, - а к вечеру у него страшно отекали ноги, краснели, делались бесформенными, столбчатыми, точно слоновьими, и причиняли ужасную боль.

- О, несчастный! – воскликнул Ахиаб, невольно нарушив священную тишину шивы.

- Прошу тебя, тише, Ахиаб, - прошептала Шуламит.

- Но, увы, это еще не все! – вымолвил Птолемей.

- Что же еще? – подбодрил Маттафия.

- Ты, похоже, злорадствуешь, Маттафия! – упрекнула сестра Ирода.

- Боже сохрани меня радоваться чужим страданиям! Одумайся, Шуламит! Ты говоришь это первосвященнику!

- Смещенному, однако, - прибавил Ахиаб.

- Позвольте продолжить, спорщики, ибо я не до конца описал муки больного монарха, - сказал казначей, - ближе к ночи Ирода начинали терзать припадки одышки, а, иной раз, и мучительные судороги, не дававшие уснуть больному.

- Бедный брат мой! Но ведь болезнь будит не только страх, но и надежду!

- Однако я не сказал еще худшего, - не унимался Птолемей, - в срамной области у царя образовалась гниющая язва, плодившая червей!

- Не надо быть лекарем, чтобы указать на причину сей жесточайшей и постыднейшей хвори, - уверенно заявил Маттафия, - то небесная кара Ироду за предание огню иудейских законоучителей!

- Ненависть горит в очах твоих, клевета отворяет и смыкает уста, злой ты, первосвященник! Пусть не все деяния брата моего покойного были святы, но изгнание мизантропа из храма – благое дело!

- Ты дерзишь мне, Шуламит, но я не виню тебя, ибо прописано в книгах наших: не судить человека за поспешные слова, коли пребывает он в горе.

- Уймись, Маттафия! – призвал Ахиаб, - а лучше приготовься внимать, сколь мужествен был Ирод.

- Мы все готовы! - прервал Птолемей, - говори, Ахиаб, что знаешь!

- Ирод долго и твердо выносил муки, - продолжил Ахиаб, - но когда они превратились в нестерпимую пытку, он, не колеблясь и не страшась мрака смерти, решился на высший подвиг человеческий.

- О, я не ведала сего! – воскликнула Шуламит, - чему ты был свидетель?

- Однажды, когда страдания слишком терзали душу и тело Ирода, царь дерзнул поторопить судьбу. Насилу улыбнувшись, он попросил яблоко. Потом приказал подать нож. Придворные ничего не заподозрили, потому как знали, что слабые передние зубы не позволяли монарху откусывать от плода. Только коренными зубами венценосец мог жевать яблоки, предварительно нарезав их на мелкие куски, - сказал Ахиаб и сделал паузу.

- Продолжай же! – не вытерпел казначей.

- Взявши нож, царь размахнулся с намерением заколоть себя. Счастье, что я был рядом и не спускал глаз с Ирода. Я стрелой бросился к нашему монарху и выхватил орудие самоумерщвления!

- Благородный Ахиаб, - проговорила Шуламит, горячо сжав руку Ахиаба в своей руке, - ты продлил драгоценную жизнь!

- На целых пять дней! – уточнил племянник.

- Воистину, народ иудейский обязан тебе! – провозгласила сестра.

- Спасибо, Ахиаб, - добавил Маттафия, - ты не позволил царю свершить еще одно злодеяние. Ибо сказал Господь: “Особенно же кровь вашей жизни взыщу Я”.

- Ядовита похвала твоя, Маттафия, - заметила Шуламит.

- У меня и для тебя похвала найдется, если поведаешь, как последнее желание брата не исполнила! – усмехнулся отвергнутый царем первосвященник.

- Расскажу, да только не ради похвалы твоей лукавой, а чтобы нелицеприятие мое всем наглядно видно было!

- Мы слушаем тебя, Шуламит, - промолвил Птолемей, - права ты: пристрастие не место в царском доме!

- Брат мой, - начала Шуламит, - стержнем жизни своей сделал одну большую цель – добиться любви к себе, и вот он сказал мне ...

- Слыхали уж это от тебя! – перебил Маттафия.

- Продолжай, Шуламит, – заметил Ахиаб и с укоризной посмотрел на первосвященника.

- ... и вот он сказал мне: “Не добился я любви ни от народа, ни от семейных. Знаю, иудеи будут праздновать мою смерть, как юбилейное торжество. А я хочу, чтобы плакали люди!”

- Верно говорил брат твой – праздновать будут иудеи кончину его. И не диво, что предвидел он это, ибо всегда знает человек посмертную долю свою, - снова не удержался Маттафия, поучительно добавив: “Жизнью опоздаешь, часом не наверстаешь!”

- И брат придумал совершить недоброе дело, - не ответив первосвященнику, промолвила Шуламит, - он взял под стражу знатных мужей Иудеи и запер в ристалище. “Когда я умру, - сказал он мне, - вели изрубить арестованных. Увидишь – многие станут плакать по смерти моей!”

- Молчи, Маттафия! – остановил Птолемей приготовившегося что-то сказать первосвященника.

- А ты что, Шуламит? – взволнованно спросил Ахиаб.

- Я не стала возражать удрученному болезнями брату. Не хуже Маттафии знаю, что страдающего не судят за поспешные слова. Зато сразу после смерти Ирода освободила пленников и отпустила на волю!

- Прекрасно поступила, Шуламит, - промолвил Маттафия, - и хоть пренебрегла ты моею похвалой и лукавой назвала, а все же советую принять ее.

Запомни: времена переменчивы, и добрым словом первосвященника дорожить надобно.

- Он прав, Шуламит, - политично поддержал Птолемей.

- Не только в этом я прав, - ухватился Маттафия за одобрение, - мне есть что добавить о правоте своей и заодно открыть великие согрешения царские.

- Говори, Маттафия, мы судьи праведные и неумытные. Повторяю: пристрастия не место в царском доме! – провозгласил Птолемей.

- Прошу понимания, кто на него способен, - отверз уста первосвященник, - всем вам известно: славный царь наш Ирод водрузил над главными воротами храма золотого орла – римский знак. Однако не менее сего известно вам, что святая иудейская вера запрещает украшать храм изображения живых существ, ибо их образы есть идолы языческие. Монарх поправил закон отцов, и гнев честных иудеев возгорелся на него!

- Царь не только Богу слуга, - возразил государственный деятель Птолемей, - но и главный политик державы!

- Может, законы отцов не гибки, - с сомнением бросил Ахиаб, - а, скорее, это вы, священники, в лоб трактуете их!

- Да разве потрафить великому Риму, владыке и защитнику нашему – не на пользу иудеям? – заметила Шуламит.

- Я просил, но не получил понимания, так хоть терпения наберитесь дослушать! – рассердился Маттафия.

- Говори, священник, виноваты мы, помешали тебе, - извинился за всех Птолемей.

- Продолжу. Жили в Иерусалиме два уважаемых законоучителя, мир праху их, наставляли молодежь. Когда занемог Ирод, подумали сии мудрецы, что ослабла власть царя, и выдался удобный случай сорвать орла с ворот храма. Подзадорили они учеников и вместе с ними разрубили языческий знак топорами.

- Варвары! – не вытерпела Шуламит.

- Угомонись! – одернул Маттафия, - а я продолжу. Братец твой, ненавистник праведников, не больно-то недужен был. Арестовал юношей и законоучителей, пытал их, но смельчаки не раскаялись. “Вы же знаете, я обязательно казнию всех вас, так почему лица ваши радостны?” – спросил Ирод героев. “После смерти нас ждет большее счастье, ибо мы исполнили древний завет!” – так ответили смельчаки. Ирод обезглавил восставших, а учителей их предал огню.

- Мне жаль безрассудных недорослей! – вставил Ахиаб.

- То не безрассудные недоросли, - сердито ответил первосвященник, - а зрелые мужи, хоть и молоды они годами! Не жалость, а слава пристала великанам духа,

избравшим подвижническую смерть в юности, заместо старческого угасания!

- О, Маттафия! Неужели из-за нескольких срубленных голов ты отвергаешь величие царя? – изумился Птолемей?

- Только я? – забывшись, громко вскричал первосвященник, - поколения и поколения мудрецов, а с ними иудеев простой веры, отвергнут величие Ирода, ибо ложно оно! Пепел сожженных законоучителей стучит в сердце народа!

- Ты громогласен, Маттафия, - шепнула Шуламит, - на нас гневно поглядел наследник трона.

- Шива – не место для споров. Давайте поговорим за упокой души усопшего, - примирительно сказал Ахиаб.

Глава 2

Важный пост прокуратора Иудеи – восточной провинции Римской империи – занимал Эдумей. Сына своего, молодого честолюбивого Ирода, он поставил губернатором Галилеи, одной из подвластных ему областей. С этого назначения началась государственная карьера, навсегда вошедшего в историю иудейского царя Ирода-I Великого.

Ирод. Правильно поступил отец. Хотя мог бы удостоить меня губернаторством и пораньше на два-три года – я заждался подобающей должности. Цезарь весьма почитает родителя моего, потому и предоставил ему свободу рук, в том числе и

назначение губернаторов. Я полон планов. Я заставлю врагов и друзей бояться меня. Галилея – зачин мой. Выучусь мастерству власти, поднаберусь навыков и дальше зашагаю широко. Добьюсь любви Рима не как наследник Эдумея, а по праву собственных свершений. Да, свершений! К чему мне скромничать перед самим собой? Галилея взрастила племя врагов империи. Вот и прекрасно: счастливый случай проявить себя, расправившись с черной силой. Враждебные без меры и ума ко всему неиудейскому, тупицы эти позорят свой народ. Оговорился, однако: мой народ! По сто раз на дню напоминай себе, Ирод: “Ты – иудей, ты – иудей, ты – иудей!” Но кичиться сим не должно. Поговорю с отцом об этом. Кто-то в дверь стучит. Входи!

Ури. Здравствуй, господин!

Ирод. Привет тебе, Ури. Впредь не называй меня господином – так много связывает нас! Зови меня другом.

Ури. Идет! Однако я тебе подвластен. Сейчас ты губернатор, того и гляди – взойдешь на престол, а я стану подданным твоего величества. Надеюсь остаться в той же ипостаси. Недурно иметь в друзьях царя!

Ирод. Говорить ты мастер. Кажется, у нас есть общие дела, не так ли?

Ури. Есть, друг, общие дела. Приятно и предвкушать их, и заниматься ими, и вспоминать о них.

Ирод. Что, а, вернее, кто нас ждет сегодня?

Ури. Сюрприз! Сам увидишь. Вперед, дружище!

Ирод. Она хороша собой? В моем вкусе? Дурнушки мне не нужны. Ты ведь знаешь, Ури, мою тягу к красоте!

Ури. Знаю, знаю неодолимую тягу эту! Тебе красавиц писанных подавай. Будешь благодарить меня. Удовольствие слаще добродетели.

Ирод. Отлично сказано. Молодость полна сил, не думает о смерти, не устает от наслаждений. Итак, встречаемся на обычном месте. Чтоб приготовиться, нам и полчаса вполне довольно. Впрочем, мы всегда во всеоружии.

Ури. К тебе кто-то спешит. Кажется, сестрица твоя. Ну, пока, друг Ирод. Увидимся через полчаса.

Шуламит. Здравствуй, губернатор Галилеи!

Ирод. Привет тебе, дочь прокуратора Иудеи!

Шуламит. Опять тебя навещал твой дружок Ури. Я слышала ваш разговор.

Ирод. Страсть подслушивать – неотъемлемое свойство женщин, как длинные волосы и другие прелести.

Шуламит. Такова уж я. А вы с Ури – два распутника!

Ирод. Зато сестра моя – невинная дева. Спасает семейную честь.

Шуламит. Да, я не в замужестве пока, и потому – дева. Зря трунишь. О судьбе моей отец печется, скоро будет у меня жених, человек достойный.

Ирод. От души желаю счастья. Не сомневаюсь, Шуля, батюшка тебя пристроит.

Шуламит. Отец и тебя определит на брачное ложе. Холостяк в двадцать пять смахивает на петуха, а ты теперь не дурного куриного племени – важной птицей сделался!

Ирод. По правде говоря, сестричка, я и сам холостячеством своим тяготиться стал. Может, есть у тебя на примете девица-красавица для меня? Давай, опередим отца, удивим его! Он ведь сейчас едет в Рим. Вернется через полгода, а то и позже. Приедет, а сын уже женат – какой неожиданный и, надеюсь, приятный для родителя реприманд!

Шуламит. Хорош твой план, Ирод. Есть у меня невеста для тебя. Славная девушка, подруга моя. Зовут ее Дорис. Пригожа лицом, красива станом, смышленная, а умом не кичится. Старинных благородных корней в семье у них нет, но веру нашу иудейскую в доме почитают. Арад, отец ее, весьма богат, начальствует над большими постройками, отменно наживается на них. Мать, Ноа зовут ее, женщина смиренная, безобидная. Как говорится, жена для совета, а теща для привета.

Ирод. Введи меня к ним в дом.

Шуламит. С радостью. Сегодня же и представлю тебя!

Ирод. Сегодня не могу. Дела.

Шуламит. Понимаю. Петух неисправимый!

Глава 3

Вняв совету сестры, Ирод женился на Дорис. Свадьбу устроил богатый Арад, отец невесты.

Пребывавший в Риме родитель Ирода, прокуратор Эдумей, задержался в столице империи по делам государства иудейского, и посему поздравил новобрачного не лично, но письмом. Поздравление и похвала отца показались сыну несколько суховаты. Причины отцовской сдержанности оставлены на усмотрение читателя.

Через девять месяцев после бракосочетания у Ирода родился первенец мужского пола. Пока Дорис готовилась к вступлению в материнство, молодой губернатор утверждал свою власть жестокой борьбой с разбойными бандами. То были упомянутые выше враги империи, третировавшие обывателей Галилеи. Впрочем, некоторые историки полагали лихих людей не разбойниками, но непримиримыми противниками римской власти, а ревнители веры видели в них борцов за чистоту ее.

Семейство собралось для исполнения писаного закона.

Арад. Поздравляю тебя, дорогой мой зять! Мальчик первенец – славное начало!

Ирод. Благодарю, Арад. Я счастлив!

Ноа. Дай-ка поцелую тебя, Дорис! Оправилась после родов, дочка?

Дорис. Немного слаба еще, матушка. Распорядись, пусть принесут маленького.

Арад. Как звать будут губернаторского сына?

Ирод. Антипатр.

Шуламит. Кажется, подъехала повозка.

Ирод. Мужчины, за мной! Раввин с помощниками прибыли. Сотворим молитву, и да исполнится завет Господа нашего! Восьмой день идет новорожденному, приобщим Антипатра к племени нашему иудейскому.

Шуламит. Слышу громкий плач – свершилось, слава Богу, священное и неизбежное. Наконец-то возвращают Антипатра. Сильный, однако, голос у мальчика!

Ноа. Плачет бедненький, больно ему. Младенец, а уж пролил кровь за веру. Давайте малютку сюда, отнесу к Дорис – пусть покормит дитя, утешит сердешного.

Арад. Покинем, Ирод, наших женщин ненадолго – пусть себе унимают младенца. А мы поговорим о важном.

Ирод. Пожалуй. Нам есть что обсудить, Арад.

Арад. Ты ведь знаешь, Ирод, что расплодилось в нашей Галилее шайки разбойников. Что и говорить, подсластили они жизнь мне и прочим людям деловым!

Ирод. Мне ли не знать – я воюю с ними! Войско мое пока невелико, но вот-вот отец вернется из Рима, и, надеюсь, добавит опытных бойцов. И числом, и умением одолеем напасть.

Арад. Заметно доброе начало. На дорогах стало спокойнее, но города и села все еще страдают. Бандиты не перевелись. Убогие грабят справных. Похищенное делят по воровским понятиям: проедают сами или ублажают тунеядцев с фолиантами подмышкой и талитами на голове. Богатые лишаются нажитого добра, а на чьи же деньги, спрашивается, страну строить и украшать? Разбойникам до этого никакого дела нет. Ты – воин и политик, я – золотой мешок. Мы созданы друг для друга и, слава Богу, породнились. Приедет Эдумей – непременно проси у отца подкрепление, да побольше. Истребишь лихо – и добудешь благо и для нас с тобою, и для прочего люда, и для голодранцев в том числе!

Ирод. Я изловил Иезекию, разбойничьего главаря. Заключение в темницу атамана. Допрашивал. Он пощады не просил. Говорил, мол, наше дело правое, мы победим. Всё молился и к Богу вопиял. Чего им надо, кроме грабежа?

Арад. Для черни главное – грабеж, а предводители духовные, вроде Иезекии, опасны тысячекратно. Долдонят, что за веру иудейскую стоят. Дескать, хотят спасти народ от римского язычества. Наушают простолюдинов против нас, имущих и просвещенных,

твердя, что нам власть Рима на руку, ибо от нее мы богатеем и ради золота предаем законы отцов. Правда и ложь на их устах. На руку – да. Богатеем – да. Но ничего и никого не предаем, а для общей пользы всего народа разумно приноравливаем чужое владычество!

Ирод. Выходит, думают вожаки, что народ спасают?

Арад. Губят, а думать не умеют! Умоисступленные начетчики без конца глядят в Священные книги, но взгляд их слеп и постигает только буквы и слова, смысл упуская. Они горды безмерно, что Богом избраны. Шарлатаны сии задумали всех поголовно иудеев этим ядом опоить. К несчастью, они преуспевают, ибо необычайно сладка избранничества отравы. Редкий человек выплеснет нектар из чаши и не станет пить. Лгут они себе и всем, будто непременно победят превосходящего врага, и тому порука – упование на Небеса.

Ирод. Каков совет твой, Арад?

Арад. Зло уничтожить под корень – не оставлять живыми искусителей. Глядишь, очистится наш век от скверны, а после нас другие пусть воюют!

Ирод. Ты полагаешь, побед моих на будущее не достанет?

Арад. Нет, не достанет. Уж больно зелье лакомо. Зло не умирает подобно райской птице, что, не ела от дерева познания подобно прочим тварям и потому живет вечно.

Глава 4

Вернувшийся из Рима прокуратор Эдумей был весьма доволен своей продолжительной поездкой в столицу – император высоко оценил его труды на благо империи. Как и ожидалось, отец добавил сыну бойцов, и воинственный Ирод очистил Галилею от разбойничьих банд. Между Эдумеем и Иродом состоялся важный разговор.

Эдумей. Рад видеть на тебе воинское одеяние, сын мой. Молодому пристало сражаться, держать удары, но в конечном счете побеждать.

Ирод. Я утомлен тяжелым полевым учением. Твои солдаты римские отменно хороши, попевал за ними с трудом.

Эдумей. В усталости своей не признавайся. Ты – воин! К тому же мысль об утомлении отвлекает от трудов.

Ирод. Сорвалось с языка.

Эдумей. Случается. Слышал я, что ты все так же водишь компанию с Ури. Хорошо – любая дружба чем-нибудь да полезна. Кстати, о делах сердечных. Семейством малочисленным своим доволен, Ордос?

Ирод. Губернаторство требует отлучек из дома, порой надолго. А Ури – верных друг и помощник. Есть общие дела. Семейством я вполне доволен, отец. Дорис по-прежнему хороша собою, а Антипатр растет как должно. Однако, почему ты Ордосом меня назвал?

Эдумей. Ордос – это имя твое иудейское. Забыл?

Ирод. Ничуть! Отец, ты слов не говоришь напрасно. Коли так называл меня – значит, цель имел. Объясни.

Эдумей. Непременно объясню, но чуть погодя. Пока же сообщи, как поживают галилейские разбойники?

Ирод. Не поживают более! Я покончил с бедствием. Безопасно стало в городах, селах, на дорогах.

Эдумей. Подробнее!

Ирод. Я казнил главаря Иезекию. Такая же судьба вышла и другим застрельщикам разбоя. Рядовые бандиты утихомирились. Успокоение сошло на Галилею.

Эдумей. Ты восстановил мир в провинции, и результат оценят в Риме. Тебя непременно ждет похвала императора.

Ирод. И похвала отца, надеюсь?

Эдумей. Нет, сын мой Ордос, я порицаю! Не за решимость действий, но за опрометчивость оных.

Ирод. Ты удивил меня. Мы с Арадом рассудили, что без крайних мер никак не обойтись!

Эдумей. Арад – зрелый муж, но он всего лишь делец, и его цель всегда одна – барыш. Ты молод, и царствование есть твое предназначенье – ведь ты наследник мой! Плох тот монарх, который за наживой забывает власть – искусство и карать, и угождать. Зато

умеющий лавировать владыка всегда спокоен и за трон, и за прирост казны.

Ирод. Карать я умею, а Риму я угодил – ты сам сказал! В чем недосмотр мой?

Эдумей. Ты иудей в собственном государстве. Изволь потрафлять своим! Ты предал смерти Иезекию и иже с ним. Казнив самочинно, ты превысил данные тебе права, но это еще куда ни шло, замазать можно. Но ведь ты убил иудеев в иудейской стране, и слишком много таких, кто не простит тебя. У них, поверь мне, сила немалая.

Ирод. Чем эта сила мне грозит?

Эдумей. Гиркан, царь, первосвященник и иудей неведомо в каком колене, не оставит без последствий противоправную казнь единоверцев. Он предаст тебя суду, и Рим, страж закона, тебя не станет защищать!

Ирод. Я изгоню Гиркана! Я убью его! Пойдет вслед за Иезекией!

Эдумей. Не горячись, юноша. Удача переменчива. Вспомни, что дед твой не рожден был в иудействе, но принял его. За дедом я последовал, а ты – за мной. Нет у нас древних корней. Власть же мы получили от язычников римлян, а не по праву царского наследования. Нам ничего не забывают и не прощают земные властелины нашей веры. Они же питают дух черни и раздувают пламя гордыни престонародья.

Ирод. Где нет опасности, так наслаждение не так приятно. Тебя послушать, отец – ничего не остается,

как от власти отречься и к законоучителям в школяры податься!

Эдумей. Гнев – не помощник. Есть серединная золотая тропа. Ты спрашивал, почему я назвал тебя иудейским твоим именем Ордос? Поровну нагружай чаши весов – вот ответ мой!

Ирод. Растолкуй, отец, крепколобому сыну. Что предпринять мне во искупление ошибки?

Эдумей. У Гиркана есть внучка Мирьям. Девица красивая и умная. Женись на ней. Породнись с Гирканом. Ведь как просто!

Ирод. А Дорис? А сын наш с нею общим Антипатр?

Эдумей. Слава Господу, иудейский закон не возбраняет иметь несколько жен! Коли Ури по-прежнему твой верный друг и помощник, как признаешься, то не будет у тебя духовных закорючин со второй женьтьбой.

Ирод. Совет отца – почти наследство. Принимаю. Пожалуй, еще одна красавица в доме мне во благо.

Эдумей. Рад, что ты понял отцовское наставление, наследник мой Ордос!

Глава 5

На беду, подтвердилась провидческая уверенность Эдумея в непримиримой враждебности храмовых и царских придворных бонз к нему самому и его прокураторской власти.

Ужин в доме Эдумей. Присутствуют его сын Ирод и первосвященник Гиркан, занявший на короткое время трон Иудеи.

Трапеза оканчивается трагедией.

Эдумей. Приветствую тебя, Гиркан в своем доме. Мирно и благополучно желаю царствовать. Постараюсь угодить тебе своею кухней. Хотя бы этим!

Гиркан. Приятно слышать. Люблю поесть со вкусом. Не подумайте, однако, что трапезный стол занял в уме первосвященника место алтаря. На нашу старческую долю не много удовольствий выпадает. Хотя бы это! Как видишь, смысл “хотя бы этого” у меня прямой, без хитрого намека.

Ирод. Простота твоя известна нам, Гиркан. Мы с отцом рады визиту первосвященника на престоле и попотчует гостя от всего сердца.

Гиркан. Уверен, меня ожидает отменный ужин. Надеюсь, пища в доме рьяного приверженца Рима кошерная? Не делай обиженное лицо, Эдумей. Я пошутил, я ни на минуту не сомневаюсь в твоей преданности нашей вере!

Ирод. Нет, нет, Гиркан! В твоём вопросе мы усматриваем не шутку, но серьезное сомнение. Поверь, мы соблюдаем законы отцов неукоснительно.

Эдумей. Мы государственные люди, Гиркан. Во благо славного народа иудейского нам следует опираться на общее меж нами, а на различия смотреть сквозь

пальцы. И, елико возможно, сближать далекие понятия. Терпимость к воззрениям оппонента – вот мною предлагаемый девиз.

Гиркан. В мудрости этой есть резон для римлян. Однако Иерусалим – не Рим. Ничего ты не поделаешь с непреложным фактом: истые иудеи не согласны на сближение взаимное, им подавай только идущих навстречу!

Эдумей. Спор сей не нов. Скорей бы ужин принесли – занятые едою рты не произносят огорчительных и бесполезных слов.

Ирод. Внимание! Вот первая перемена. Слуга раскладывает по тарелкам тушеную баранину и разрезает дыню. Рис в чашке дымится. Прошу к столу.

Гиркан. Какое нежное мясо, и умело сварен рис, зернышко к зернышку – объединение!

Эдумей. Ягненок молодой, а повар-рисовар – вавилонской выучки. Ешь на здоровье, почетный гость мой, царь Иудеи.

Ирод. Гиркан, я понял так тебя, что иудеи не примут и малой доли чужих воззрений. Какая каменная догма! Но ведь есть люди среди нас, и не худшие, готовые к движению навстречу ради выгоды своей и народной. Ну, скажем, мой тесть, почтенный Арад!

Гиркан. Воззрения наши – воля Всевышнего, но не каменная догма! Иудеи заключили вечный союз с Господом: мы назвали Его единственным в мире Богом, а Он в ответ избрал народ наш и вознесет нас,

избранников, над иными племенами. Грешен и глуп, не подписывающий священный договор. Араду-толстосуму подавай наживу, однако корысть, как правило, недальновидна.

Ирод. Многоуважаемый Арад не грешник и не глупец. Преследуя барыш, он действует на пользу всех иудеев.

Гиркан. Арад? Безудержна алчность и неукротимо домогательство благ земных, таких как он. Они откупаются от военной силы Рима, делая непозволительные уступки язычеству и нарушая непререкаемые законы отцов. Смекалистые эти богачи называют себя радетелями народными. Они громко трубят о себе, заглушая скромный голос истинного благочестия. Что подделаешь: слонов изображают много меньше, чем они есть, а блох рисуют большими. Эти люди просто малoverы!

Эдумей. Что значит малoverы?

Гиркан. Это значит, что верующий в малое – не способен к великому.

Ирод. Но ведь они не изменили вере нашей!

Гиркан. Им не приходит в голову, что мы, малосильные иудеи, непременно одолеем могучие легионы, ибо Небеса споспешествуют нам. Говоря иначе, они сомневаются в намерениях Всевышнего. Нет, скорее не верят в помощь Бога своим избранникам. Вот и судите – изменили они вере или нет?

Эдумей. Тут мы вступили на поле несогласия. Поспешим покинуть его. Я говорил уж, что лучше опираться на общее меж нами, а на различие смотреть сквозь пальцы.

Ирод. Общее меж нами – отменный ужин. Вот и вторая перемена на столе – запеченная щука с овощами и приправами. Всё строго кошерно!

Гиркан. Последнее утверждение не подвергаю сомнению! Ужин удался, слава тебе, Эдумей!

Ирод. Рецепты римских иудеев! Отец брал с собою в Рим поваров – они учились там.

Эдумей. Слава Богу, ушли с тропы разлада! Кроме ужина должно быть еще кое-что общее меж нами.

Гиркан. Рад буду, если найдется что-то!

Эдумей. Есть у тебя, Гиркан, внучка, красавица Мирьям. Мой сын видал ее однажды и полюбил. Ты не против выдать Мирьям за Ирода?

Гиркан. Хитер отец твой, Ирод! Ум государственный. Дабы тернии затупить, прозорливый Эдумей возымел желание породниться со мною!

Эдумей. Не только о терниях я думаю, но блага хочу и Ироду, и Мирьям.

Ирод. Ожидаем, царь, ответа твоего!

Гиркан. Идея мне по нраву. Тебя люблю я, Ирод, и, полагаю, не худо будет, коли две прелестницы в твоём доме заживут. Обдумать надо.

Эдумей. Решение за тобой, Гиркан. Надеемся, благоприятным будет.

Ирод. Эй, слуга! Фрукты ставь на стол, да кликни виночерпия – пусть поднесет вино!

Виночерпий. Вот три кубка золотых и именных. Каждый отведаст вина из своего!

Эдумей. Станный вкус вина...

Гиркан. Эдумей, ты побледнел! Что с тобою?

Ирод. Отец! О, горе! Он мертв! Стража! Хватайте виночерпия!

Гиркан. Ирод, верь мне, нет моей руки на отце твоём!

Ирод. Вот и виночерпий! Негодяй! Что влил ты в кубок отцовский? Кто подкупил тебя? Стража, волоките в тюрьму предателя. Лично сам буду пытаться его.

Гиркан. Ты веришь мне, Ирод? Я ни при чём тут, но среди наших есть лиходеи иступленные. О, горе, горе...

Ирод. Окончен ужин! Возвращайся во дворец свой, царь Иудеи!

Глава 6

В Риме происходят события исключительные: Цезаря убивают Брут и Кассий. Последний направляется в восточные провинции. Он видит в Ироде опору империи против парфян, врагов Рима, и потому во всем способствует сыну коварно отравленного прокуратора Иудеи.

Среди прочих свершенных в Иудее деяний, Кассий помог Ироду в осуществлении мести за отца его, незабвенного Эдумея.

Арад. Мир тебе, Ирод. Я искренне соболезную. Внезапно потерять отца – тяжелый жребий.

Ирод. Мир тебе, Арад. Благодарю за сочувствие. Мне горько, но не в праве я отдаться праздности скорби. Дела государства не терпят остановки.

Арад. Отравитель найден?

Ирод. Найден. Это – виночерпий отца, он ожидает своей участи в тюрьме. Возможно, его подкупил кто-либо из царедворцев Гиркана.

Арад. Да, есть немало лиходеев веры среди придворных нашего царя.

Ирод. Я при тебе сделаю виночерпию допрос и вынесу приговор.

Арад. Что ж, я непрочь поглядеть на врага в капкане.

Ирод. Однако сперва обсудим наши с тобою дела.

Арад. Пожалуй. Я слышал, ты готовишься к большому строительству?

Ирод. Да, это так. Рим благоволит мне. Парфяне и Антигон – враги империи. Вероятно, мне предстоят битвы с противниками Рима в Иерусалиме, и не только в нем. Мне нужны надежные крепости, там спрячу родню и сам укроюсь при неудачном ходе кампании.

Арад. Где строить мыслишь?

Ирод. Для начала возведем цитадель в Масаде. Мои условия: высокие, толстые, непробиваемые каменные стены, хранилища для пищи и воды на месяцы, валы и рвы снаружи стен, тайные подземные ходы на волю.

Арад. Отлично. Выбор разумный. Я знаю это место – труднодоступное для неприятельского войска. С завтрашнего дня призову моего зодчего. Он начертает проект, покажет нам с тобой. Составит опись потребных средств – камней, земли, воды, верблюдов, быков, инвентаря, повозок, людей и прочего. С Божьей помощью начнем.

Ирод. Достанет у тебя рабочих?

Арад. Есть наймиты, есть рабы. Как будто бы довольно.

Ирод. Случится нехватка рук – у меня проси. Кассий пошлет бойцов своих в подмогу. Щедро оплачу твою работу, имею доступ к казне.

Арад. Сочтемся.

Ирод. Разумеется. Не чужие, родня ведь!

Арад. Кстати, как поживает Дорис, дочь моя, и Антипатр, внук?

Ирод. Всё хорошо, на сколько мне известно.

Арад. Благодарение Господу!

Ирод. Вот, отец, мир праху его, подсказал мне взять в дом вторую жену. Идея недурна, не так ли?

Арад. Одобряю. Задумка уместная и в самую пору. Пока ты молод – потешь плоть свою! Уже намечена кандидатура?

Ирод. Красавица и умница Мирьям, внучка Гиркана.

Арад. Видал ее разок. Дева - загляденье! Второго ангела поселишь в доме. Породнишься с самим Гирканом. Умен и дальновиден был Эдумей. Выбор политика и подлинного знатока красы!

Ирод. Рад одобрению твоему. О Дорис не беспокойся, ей будет не в ущерб. Жёны мои подружатся.

Арад. Не сомневаюсь. С твоею опытностью в делах сердечных ты мигом запряжешь двух кобылиц в одну колесницу и под одно ярмо!

Ирод. Я буду любить обеих.

Арад. В добрый час. Кажется, ты собирался допросить отравителя отца?

Ирод. Да, нельзя откладывать возмездие: заслуженную кару следует вершить, пока душа горит. Эй, стража! Немедленно доставить виночерпия сюда! И палача ко мне!

Виночерпий. Я на коленях пред тобою, Ирод. Я невиновен!

Ирод. Палач, принимайся за дело. Начинай с малого.

Палач. К ногам привязан груз небольшой. Я приступаю.

Виночерпий. О-о-о... Я не виновен...

Арад. Запирается, негодяй!

Ирод. Добавь, палач!

Виночерпий. О-о-о... Меня заставили...

Ирод. Заставили или подкупили? Еще добавь, палач!

Палач. Я добавил, господин, он впал в бесчувствие, не может говорить.

Ирод. Плесни ему в лицо воды холодной – придет в себя. Вот так! Говори теперь, заставили иль подкупили?

Виночерпий. Подкупили...

Ирод. Кто? За сколько?

Виночертий. Малих... Дал два таланта...

Ирод. Арад, ты знаешь, кто такой Малих?

Арад. Кажется, важный вельможа при дворе Гиркана.

Ирод. Да. Малих – иступленный ненавистник языческого Рима. По мнению сего твердолобого злодея, даже сам Гиркан не вполне привержен вере, что уж думал лиходеи об отце моем!

Виночертий. Пощади...

Ирод. Где золото?

Виночертий. В доме моем... В подполе...

Ирод. Стражник, обыщи дом убийцы и доставь мне два таланта!

Палач. Господин, что прикажешь делать с виночерпием?

Ирод. Волоки его в темницу и немедленно казни.

Палач. Он опять лишился чувств. Какою смертью прикажешь умертвить преступника – чтобы тихо расстался с жизнью, или хочешь послушать страдальческие крики?

Ирод. Что посоветуешь ответить на вопрос палача, Арад?

Арад. Думаю, предсмертные вопли подлеца утолят нашу жажду справедливости!

Ирод. Желание гостя – закон для хозяина. Понял, палач? Исполни!

Арад. Я слышу стоны. Это тяжело. Скорей бы кончилось.

Ирод. У меня умелый палач, скор на руку. Вот, все стихло!

Арад. Дело сделано, полегчало на душе.

Ирод. Отдохни. Буду рад, если ты примешь мое приглашение на небольшой пир и останешься. Вот-вот придут гости – сам Кассий, легат Калид и Гиркан.

Арад. Приглашение принимаю и остаюсь.

Ирод. Шум колесниц. Удача – подъехали все разом!

Кассий. Я глубоко соболезную тебе, Ирод. Потерять отца – большое горе. Сумей возобладать над ним. Ты нужен империи и Иудее.

Калид. Ирод, буду краток по-военному: крепись!

Гиркан. Ах, Ирод, поверь, я, как и ты, пребываю в печали. Утрата тяжела, но не безмерна: убить человека – еще не значит уничтожить его. Эдумей был блестящим прокуратором, не так ли, Кассий?

Кассий. Безусловно. Сын примет наследие отца.

Ирод. Всех благодарю за участие. Римским гостям рекомендую Арада – моего тестя и делового компаньона. Гиркану представлять Арада нет надобности – они уж много лет, как закадычные друзья.

Кассий. Рад знакомству, Арад.

Калид. Здравия тебе, Арад.

Арад. Польщен.

Кассий. Ирод, ты разобрал дело о смерти Эдумея?

Ирод. Отца отравил виночерпий, подкупленный Малихом, злейшим врагом Рима.

Гиркан. Боже мой, Малих ведь мой придворный. Какой позор!

Калид. Как поступил ты, Ирод, с убийцей виночерпием?

Ирод. Негодяй казнен!

Кассий. Ирод, я полагаю, что ненавистник империи Малих не имеет права жить!

Ирод. Что думает Гиркан об этом?

Гиркан. Неуместных вопросов не задавай. Я ничего не слышал и ничего не знаю.

Арад. Малих поселился в получасе езды от твоего дома, Ирод.

Кассий. Намек Арада прозрачен. Последую его примеру и тоже намекну. Не пригласить ли хозяину дома еще одного знатного гостя?

Ирод. Я понял. Малих не знает, что разоблачен. Этот чревоугодник охотно примет приглашение на пир. Пошлю за ним слугу. Надеюсь на помощь римлян.

Кассий. Калид, возьми из своего легиона двух-трех храбрых бойцов и отправляйся. Впрочем, тебя учить не надо.

Ирод. Мы подождем, Калид. Без тебя трапезничать не начнем.

Арад. Да свершится справедливость!

Калид. Вот я и вернулся!

Кассий. Успешно?

Калид. Вполне. Мои бойцы устроили засаду. Подстерегли. Изрубили Малиха мечами.

Гиркан. Боже мой, Боже мой...

Глава 7

Власть в Риме перешла в руки триумvirата, двое из трех участников которого – Антоний и Октавиан – были в разное время связаны с Иродом политическим и военным сотрудничеством.

Парфяне, враги империи, овладели Иерусалимом и возвели Антигона на престол Иудеи. Однако в Риме полагали, что если трон занят, то это еще не значит, что есть монарх. Власти империи провозгласили царем верного им Ирода. Последовавшая схватка за корону между Антигоном и Иродом одновременно стала войной парфян с римлянами за обладание Иудеей.

Ирода знакомят с Мирьям. Прелюдия к скорой женитьбе – смотрины невесты. Присутствуют члены семьи Ирода и римский легат.

Гиркан. Сегодня у тебя большой день, Ирод! Я пришел поздравить тебя.

Ирод. Поздравляй, Гиркан!

Гиркан. С чем вперед поздравлять? С победой над Антигоном или с женитьбой на Мирьям?

Шуламит. Конечно, с женитьбой! Что важнее – то и вперед!

Малтака. Дочка моя засиделась. Ждет замужества. У тебя, Ирод, всё дела государственные да войны. Ты хоть и царь теперь, а семья-то – в первую голову!

Арад. Я согласен, Ирод, с сестрицей твоею: что важнее – то и вперед! Посему, Гиркан, спеши поздравить нашего царя с великой победой!

Калид. Для римского легата военный триумф превыше всего!

Ирод. Мнения между мужчинами и женщинами разделились характерно. К какому лагерю примкнешь, мудрый Гиркан?

Гиркан. Пьянящий вкус победы ты ощутил вполне. Теперь же пусть полководец и государственный муж в едином лице изыщет время взглянуть на чудную невесту – и тогда сам он и решит дилемму – что важнее, и ответит мне, с чем поздравлять его вперед.

Ирод. Скажу без обиняков, Гиркан. Дилемма, тобою изобретенная, взята с потолка, прости за прямоту. Плод талмудической схоластики она. Моя же дилемма по-житейски проста: обидеть тебя, сказав правду, или унизить себя, солгав. Я решаю ее, избирая первое: я счастлив обоими событиями и не стану предпочитать одно другому.

Малтака. Ирод, когда же, наконец, мужское рассуждение приведет тебя к брачному столу? Видел ли ты прежде очаровательную дочь мою?

Ирод. Конечно, видел. Неспроста же я дал согласие на брак! Мирьям прекрасна, спору нет. Я с вожделием ожидаю новой ласки. Мне помнится, однако, как древний наш мудрец изрек, мол, время обнимать, и время удаляться от объятий. Так писано в твоих книгах, Гиркан?

Гиркан. Близко к тексту.

Ирод. Сейчас же мне с Арадом, Калидом и тобою, Гиркан, необходимо обсудить первоочередные дела государства. К исходу дня я буду рад приветствовать

невесту, которую Шуламит и Малтака приведут ко мне во дворец.

Шуламит. Грубым намеком указывает женщинам на дверь. Остался мужланом неотесанным, хоть и стал царем! Пойдем, Малтака, вечером приведем к нему Мирьям.

Гиркан. Ты все же сделал выбор, Ирод. Стало быть, не с потолка взята моя дилемма. Хорошо. Вещь приятная!

Ирод. Сообщу вещь неприятную, Гиркан. Помнишь ли, как ты содействовал суду надо мною в Галилее за то, что я самочинно убил Иезекию и его разбойников?

Гиркан. Смутно припоминаю.

Ирод. Ты припоминаешь смутно, зато я помню отчетливо. По моему указу, эти судьи пали под секирами палачей, но не ранее, чем претерпели жестокие пытки. Впредь так будет с каждым, кто станет на моей дороге, пусть даже он великий талмудист. Имущество казненных я конфисковал, их семьи продал в рабство.

Гиркан. Боже, мой, Боже, мой...

Калид. Как думаешь распорядиться изъятым добром?

Ирод. Драгоценности передаю в римскую императорскую казну, недвижимость беру себе.

Арад. Разумно.

Гиркан. Боже мой, Боже мой...

Арад. Нам с Гирканом только в общих чертах известна твоя победа над Антигоном, этим ложным парфянским царем Иудеи. Должно быть, есть любопытные детали!

Ирод. Есть, разумеется. Один из моих братьев, чтобы не стать пленником парфян, покончил с собою, разбив голову о скалу.

Калид. Шаг, достойный мужа!

Ирод. Антигоновский военачальник, изуверствуя, надругался над мертвым телом, а его солдаты утопили в море семью несчастного. Но настал час расплаты. Я изловил негодяя, и собственной рукою отрубил ему голову, и с посыльным отправил ее другому брату своему, дабы порадовался мести!

Калид. Как соратник в войне, я мог бы многое добавить о доблести твоей, Ирод, но не силен я в речах. Что решаешь делать с плененным Антигоном?

Ирод. Цепями скованного отправлю в Рим на суд триумвирата. Присовокуплю письмо о ценнейшей помощи твой, достойный легат!

Калид. Благодарю, Ирод!

Арад. Оковы – справедливый конец Антигона. Он сам выковал себе цепи, пожелав поработить нас!

Ирод. Сейчас внемли мне, Калид! Солдаты твои свирепствуют в отвоеванном у парфян Иерусалиме. Убивают и грабят мой народ. Останови бесчинства!

Калид. Слишком тяжело досталось моим бойцам покорение столицы. Как лишу я их заслуженной награды?

Ирод. Калид! Того и гляди твои легионеры ворвутся в храм. Не ведая, что творят, вломятся они в святая святых, осквернят священные атрибуты иудейской веры, завладеют сокровищами храма!

Гиркан. Боже мой, Боже мой...

Ирод. Не забывай, Калид, ты римский легат в иудейской стране! Блуди нашу честь и положи предел буйству!

Калид. Так помоги мне!

Ирод. Будь по-твоему! Насытишь алчность войска из моей казны. Возьми золото, раздай бойцам и уведи их за городскую стену!

Калид. Идет!

Гиркан. О, Ирод, о, Ордос, о, царь достойный! На коленях благодарю тебя за щедрость! Великодушием безмерным ты спасаешь святыни веры и жизни иудеев! Какое счастье, что ты женишься на внучке моей! Я люблю тебя, Ирод!

Ирод. Встань с колен, Гиркан! Небось, думал, что только вам, талмудистам, дороги вера и народ?

Арад. Замечу, Ирод, что победа над Антигоном расположила к тебе иудеев, терпевших от парфян. Я тому свидетель, как потеплели даже те, кто прежде осуждал тебя за мнимое низкопоклонство перед Римом. Люди не забудут истинную твою заботу о пропитании и прочих первейших нуждах иудейских воинов.

Ирод. Слышал, Гиркан?

Гиркан. Дай Бог тебе любовь народа навсегда!

Ирод. Боюсь, однако, будет счастье недолгим. Твои, Гиркан, псы-атаманы, за мою спиной изощряются в кознях!

Арад. Стоп, Ирод! Не время для резких слов.

Ирод. Ты прав. Не время. Да, я вспомнил нечто важное. Твоя постройка великолепна, Арад. Крепость Масада совершенно неприступна. Там укрывались в дни боев женщины и дети семьи моей. Хитроумные парфяне не придумали, как одолеть укрепления. Все, схоронившиеся за каменными стенами, остались, слава Богу, целы. Доволен ли ты вознаграждением?

Арад. Вполне доволен!

Калид. Мои воины помогали в строительстве.

Ирод. Спасибо и тебе за помощь бескорыстную. Ценю твое бессребреничество.

Калид. Ну-ну, не смущай меня похвалами.

Гиркан. Мне слышатся женские голоса в соседнем зале. Кажется, привели Мирьям.

Ирод. Милости прошу!

Шуламит. Твоя невеста, царь, закрыла лицо вуалью, конфузится она.

Ирод. Это пройдет. О, Дорис тоже здесь!

Дорис. Милый, хочу взглянуть на твою новую избранницу.

Арад. Да и любознательная женушка моя здесь!

Ноа. Не терпится поскорее познакомиться с Малтакой, со второю тещей дорогого моего зятя.

Малтака. Мирьям, дочка, пришло время убрать вуаль с лица.

Ирод. О, как ты красива, Мирьям! Как ты стройна, Мирьям! Садись на этот стул, Мирьям!

Гиркан. А я что говорил тебе, Ирод!

Калид. Царь выражает чувства просто, без затей – по-нашему, по-военному!

Шуламит. От восторга ты рот разинул, братец. Не забудь закрыть. Мирьям уж видит, как ты восхищен!

Арад. Прошу всех женщин садиться, вот скамья. Отчего вы вдруг помрачнели, Ноа, Дорис? Носы кверху, жена и дочь!

Малтака. Мне кажется, всем нам лучше удалиться, оставить жениха с невестой наедине.

Гиркан. Права Малтака. Мы все уходим.

Ирод остался наедине с Мирьям. Девушка поначалу смущалась откровенным восхищением мужчины, но, будучи не из робких, быстро освоилась, подняла глаза и стала разглядывать его так же смело, как и он ее.

Ирод испытывал восторг, Мирьям – удовлетворение. “Ты будешь моею любимой женой, прекрасная Мирьям!” – воскликнул Ирод, нарушив, наконец, очарование немой сцены. “Надеюсь обрести счастье, хоть ты и женат, победительный царь...” – проговорила в ответ Мирьям.

Вскоре состоялась свадьба, а через год у молодоженов родился сын Александр. Дальнейшие события объяснят причину печали, в которую впали Ноа и Дорис, впервые увидавшие чересчур красивую, по их мнению, Мирьям.

Глава 8

С годами Ирод все более укрепляет свои позиции у владык Рима как верный проводник интересов империи в Иудее. По пути из Аравии в Италию он сделал остановку в египетском городе Александрия, где встретился с Клеопатрой и Антонием.

Клеопатра. Приветствую тебя Ирод, царь Иудеи и славный воин. Рада, что почтил своим посещением мою землю Египетскую!

Ирод. О, достойная Клеопатра! Я счастлив видеть тебя, великую царицу, красу и гордость страны Нила!

Клеопатра. В городах и селах наших живет немало иудеев, и все их общины отменно процветают. Богатые купцы, почтенные обыватели, просвещенные законоучители, искусные ремесленники, трудолюбивые землепашцы. Все – исправные плательщики налогов в мою казну. Есть у меня иудеи и при дворе. Я благоволю твоему племени.

Ирод. Благодарю сердечно, Клеопатра. Полагаю, мои соотечественники и единоверцы честным трудом завоевали твое царское благоволение. Трудом людей свободных, не рабов!

Клеопатра. Ах, Ирод, не лучше ли оставить в покое предания седой старины? Что пользы ворошить былое?

Ирод. Соглашусь, пожалуй – пользы в этом мало. Наоборот, может выйти вред! Мы оба монархи, мы на вершине власти. А цель разумного правления – не прошлого раны ковырять, но много печься о настоящем и будущее не забывать.

Клеопатра. О, Ирод, как ты блистательно речист! Ты помог мне облечь в слова роящиеся в моей голове государственные думы. В ответ обрадую тебя сюрпризом.

Ирод. Жду с нетерпением, царица великой страны.

Клеопатра. Я знаю, ты держишь путь в Рим к Антонию, ко мне же завернул попутно, полезного знакомства ради. Так вот, Антоний у меня в гостях. Я слышу его шаги. Еще минута – и вы узрите один другого!

Антоний. Ирод, неужели? Право, так прелестно, что ты в Александрии! Я счастлив увидеться с тобою на Египетской земле!

Ирод. Великий Антоний, я твой послушный и благодарный данник. Мне по сердцу твои слова, ибо воистину безмерна радость подданного осчастливливать господина своим появлением!

Антоний. Ты ловкий льстец, мой милый Ирод! Гость и хозяйке воскурял фимиам? Я прав, Клеопатра?

Клеопатра. Мне тоже льстил, но меньше и тоньше, чем тебе.

Антоний. Я знаю, Ирод, ты хочешь новых земель и жаждешь больших полномочий. Ты заслуживаешь и то и другое. Мы это вскорости обсудим, и ты вернешься в Иудею не с пустыми руками.

Ирод. Премного благодарен.

Клеопатра. Мир полнится слухами о твоих, Ирод, военных победах и о личной доблести царя Иудеи. Было бы прекрасно услышать сказ из первых уст, не так ли, Антоний?

Антоний. Безусловно! Я тоже много слышал о славных деяниях нашего гостя.

Клеопатра. Ах, Антоний, будь добр, убери руку с моего плеча – мы не одни!

Ирод. Нежные чувства сильных мира сего, равно и боевые подвиги оных – на людских устах, как свет стоит. К чему стеснение? Я не чужой, я претендую быть своим.

Антоний. Ты друг и соратник наш. Мы с Клеопатрой приготовились внимать тебе.

Ирод. Я расскажу историю, о которой навряд ли вы слышали. Открою, сколь жестоковыен и неистов мой народ.

Клеопатра. Знаем кое-что из прошлого. Однако говори же!

Ирод. В те дни, о которых речь, ты, Антоний, пребывал в Афинах. Я же с войском выступил против разбойников – исчадие темных пределов нашей веры. Они укрылись в неприступных горах, где высятся скалы, да чернеют бездонные пропасти. Я с несколькими смельчаками спустился по канату на огромный валун перед входом в пещеру. В ней нашел себе убежище один из разбойных главарей. При нем жена и семеро детей. Его положение было безнадежно. Я крикнул, что готов сохранить ему жизнь взамен добровольной сдачи в плен. Но тот человек, как многие его братья по оружию, предпочитал смерть неволе.

Антоний. Только непреклонность можно противопоставить фанатизму, но нет средства сломить его.

Ирод. Так и случилось. Я услышал из глубины пещеры женский и детские голоса, молящие отца уступить и сдаться. Но безумный бородач решил иначе. Он приказал малышам выходить по одному. Твердой рукою он закалывал одного за другим. Последней вышла жена. Изувер хладнокровно задушил женщину и добавил ее тело к окровавленным трупам семерых убитых им детей.

Клеопатра. О, как можно созерцать столь ужасное зрелище!

Ирод. Слезы выступили на моих глазах. Я умолял разбойника пощадить хотя бы невинных крошек. Но тот остался непреклонен. Умертвив семейство, он швырнул бездыханные тела в пропасть. Злобно крикнул мне, мол, я – жалкий изменник веры, и бросился в бездну.

Антоний. Воевать со своими горше, чем с чужими.

Клеопатра. У тебя есть сердце, Ирод, не только ум и твердая рука!

Ирод. Антоний прав: нестерпимо горько побеждать своих. Но ошибался разбойник бородачатый – я вере иудейской не изменял, и я хочу добра народу моему.

Антоний. Поясни, в чем суть веры твоей. Понять иудеев труднее, чем любое другое племя.

Ирод. Смогу ли? Я не законоучитель, я царь и воин. Лучше повторю за мудрецом Гирканом, слова его, что врезались мне в память: “Воззрения наши – воля Всевышнего. Иудеи заключили вечный союз с Господом. Мы назвали Его единственным в мире Богом, а Он в ответ избрал народ наш и вознесет нас над иными племенами”.

Клеопатра. Вижу, Ирод, ты не боишься быть откровенным передо мною и Антонием, а что до Гиркана то он горазд на истолкования. Осмелюсь добавить к словам мудреца плод моего женского ума – потому народ иудейский так ревностен в вере, что невероятно усладительна ему мысль о верховенстве, и не в силах человеческих отказаться от столь притягательной идеи.

Ирод. Подобное говорил мой тесть. Он дельный человек. К словам же Клеопатры я присовокупил бы, что сладкая мысль о верховенстве неизменно обращается против иудеев ядом всеобщей нелюбви.

Антоний. Тебе виднее, Ирод. Хвалю Клеопатру. Плоды бабьего ума всегда спелы, сочны и легко усваиваются.

Клеопатра. Не все твои шутки смешны, Антоний!

Ирод. Что до меня, то я принимаю суждения женщин не в шутку, а всерьез. Я с наслаждением поедаю зрелые плоды ума обеих своих жен!

Клеопатра. Вот достойного мужа образец! Я предлагаю тебе, Ирод, оставить Антония и перейти ко мне на службу. Египетскому воинству необходим

умный и смелый полководец. Тебя ждут золото, честь и слава.

Ирод. О, Клеопатра, я польщен! Однако я слуга моего народа, и посему не оставлю Антония, союз с которым идет на пользу вместе Риму и Иудее!

Антоний. Молодчина, Ирод! Интересы дела – лучшая гарантия верности!

Клеопатра. Я разочарована отказом.

Антоний. Не унывай, Клеопатра! Только испытав разочарование, можно ощутить полноту удовлетворения. Я уделю тебе кое-какие земли Иудеи. А ты, Ирод, получишь много больше. Мы снова встретимся с тобою в Риме, и я сумею убедить сенаторов расширить твои владения и увеличить полномочия.

Глава 9

Правящий в Риме триумвират распался. Враждовавшие между собой Антоний и Октавиан вступили друг с другом в войну, победителем из которой вышел Октавиан. Вскоре он сделался единоличным правителем империи.

Антоний покончил с собой, Клеопатра последовала его примеру.

Ирод был преданным союзником Антония и помогал ему в войне против Октавиана. Поэтому после неудачи своего покровителя, царь Иудеи очутился в весьма опасном положении. Для сохранения

благосклонности Рима ему требовалось завоевать доверие нового владыки, против которого он еще совсем недавно действовал на стороне его врага. Ирод достиг этой цели в полной мере и, притом, с немалым блеском.

Октавиан. Правитель Иудеи, ты приветствуешь меня гордо и с царским достоинством, но почему ты без короны?

Ирод. Я был возведен на престол и коронован тем, кто стал твоим врагом, и которого ты сокрушил. После сего я не могу считать себя царем!

Октавиан. Но ведь не ты, а Антоний воевал со мной!

Ирод. Я делал все зависящее от меня, чтобы быть Антонию полезным.

Октавиан. Чем мог быть полезен провинциальный царь властителю третьей части мира?

Ирод. Управляемая мною Иудея достаточно богата, и я снабжал хлебом и деньгами воюющего против тебя Антония.

Октавиан. Ирод, ты славен хитростью и государственным умом. Я скорее поверил бы в действенность той помощи, которую ты мог оказать неразумному Антонию практическими советами.

Ирод. Ты прав, Октавиан. Я служил Антонию кем-то вроде восточного визиря. Но, без памяти влюбленный в египетскую царицу, он не последовал моей рекомендации пожертвовать Клеопатрой – и проиграл!

Октавиан. Для того чтобы воспользоваться чьим-либо советом, требуется не меньше ума, чем для того, чтобы подать хороший совет самому себе. На мое счастье Антоний не послушался тебя.

Ирод. Страсть к Клеопатре затемнила его разум. Господи, храни меня от бедствий любви!

Октавиан. Насколько я осведомлен о рассудительности твоего нрава – ты вне опасности!

Ирод. Кто может поручиться за себя? Царь над народом – еще не царь своим страстям!

Октавиан. Положим, Антоний внял бы твоему увещеванию и изгнал из сердца Клеопатру, или убил ее, или еще что-нибудь совершил над нею – чем бы ты помог ему?

Ирод. Исполняя безумную прихоть Клеопатры, он отправил меня воевать в Аравию. Кабы не это, я был бы с ним и сражался против тебя, Октавиан!

Октавиан. Ты полагаешь, что армия твоя могла бы стать серьезной поддержкой легионам Антония?

Ирод. А мои военные победы не порука тому?

Октавиан. Да, пожалуй.

Ирод. Воевал бы я не в Аравии, а плечом к плечу с Антонием, и он много чего получил бы от меня: и доступ в мои надежные крепости, и неплохого полководца в моем лице, и много больше денег.

Октавиан. Ты не скрывал от меня правду. Ты мужествен и честен, Ирод!

Ирод. Я пришел к тебе, Октавиан, дабы услышать эти речи. Я надеюсь, к словам ты приложишь милость, какою заслуживают мужество и честность.

Октавиан. Я принимаю во внимание не то, чей ты был друг, а то, какой ты был друг!

Ирод. Благодарю. Я снял с себя царский венец, ибо мне даровал его тот, которого ты уничтожил. Сейчас только ты властен решать мою судьбу.

Октавиан. Я водружаю корону на твою главу. Ты – царь Иудеи. Ты преданно хранил дружбу и за это достоин властвовать. Теперь будь верным новому, более счастливому другу!

Ирод. Благодарю. Ты не разочаруешься, Октавиан. В дружбе государей нет фундамента прочнее прагматичного расчета.

Октавиан. Я возвращаю тебе все земли, отнятые у тебя Антонием ради прихотей Клеопатры.

Ирод. Еще раз благодарю. Я прибыл к тебе не с пустыми руками. Надеюсь, оценишь по достоинству великолепие моих даров.

Октавиан. Возведение тебя на царство будет закреплено сенатским декретом. Отныне у тебя нет причин горевать об Антонии.

Впоследствии Ирод образцово помогал Октавиану в войнах, одаривал золотом, оказывал всяческий почет. Делами и подношениями Ирод доказывал верность своему римскому владыке. Став любимцем Октавиана, как когда-то был любимцем Антония, царь Иудеи достиг апогея счастья.

Ощувив твердую почву под ногами и уверившись в незыблемой прочности трона, Ирод направил свои заботы на дела благочестия – строительство и упрочение основ народной веры.

К несчастью Ирода, дом монарха постепенно превратился в средоточие неиссякающих распрей и жестокой внутренней вражды. Семья стала источником бедствий и мучений царя до конца его дней.

Глава 10

1

С течением лет жены и тещи Ирода составили непримиримые партии. Два враждебных лагеря неутомимо вели междоусобные бои, в конце концов приведшие к кровопролитью. На свою беду, царь Иудеи, государственный муж, изощренный политик, мудрый монарх, суровый судья и доблестный воин оказался безоружным против злых языков внутри семьи.

Ноа. Ты плачешь, дочка?

Дорис. Плачу, матушка!

Ноа. Что случилось? Опять Антипатр набедокурил? Ох, и внук у меня нерадивый! Молодой да ранний – усы едва пробились, а уж за девками ухлестывает!

Дорис. Может, и набедокурил. Да разве стала бы я из-за пустяков слезы проливать?

Ноа. Говори, Дорис, в чем горе твое. Не таись, кто еще посочувствует дочери, как не родная мать?

Дорис. За годы супружества Ирод приучил меня, что ночь после встречи субботы он проводит со мной. Вот вчера и был мой черед. Я долго ждала мужа – не показывается. Вдруг явился Ури, старый его дружок по веселым похождениям, и сказал, мол, царь требует меня к себе.

Ноа. Плохое предвестие.

Дорис. О-о-о... Что услышала от мужа – хуже некуда! Вошла к нему и вижу: он сидит во всем своем царском одеянии, словно впереди не ночь с женой, а прием послов иностранных, и говорит, пряча взгляд: “Я отправляю тебя и сына нашего Антипатра в изгнание. Три дня вам на сборы”. Я упала к ногам его, кричу: “За что, Ирод?”

Ноа. А он?

Дорис. А он встал, ни слова не говоря, и вышел. Оставил меня лежащей на полу и в слезах.

Ноа. Проклятая камарилья! Их проделки, это всё они!

Дорис. Кто, матушка?

Ноа. Да Мирьям негодная и Малтака, мамаша ее, ядовитоязыкая! Обе подзуживают Ирода-благодетеля против нас с тобой. Дескать, мы простонародье, и не с нашим рылом в царских палатах жить. То ли дело они – благородных кровей. Годы минули, как царь вторую жену взял, и все это время Мирьям и Малтака наушничали, подстрекали, порочили! Вспомни-ка, дочка, смотрины. Крепколобый Гиркан привел к Ироду внучку свою. Она, и родительница ее, сразу нам не понравились. Вот и дождались беды!

Дорис. Может, ты и права, матушка. Мирьям и Малтака подучают царя против нас, да только не от этого горестно мне, а оттого, что уж не любит меня Ирод как в былые годы. А я люблю его по-прежнему. Мирьям у него в сердце. Ненавижу ее!

Ноа. Терпение – наше женское оружие, коим мужчины обделены. Ты больше не хрупкая девчонка, ты зрелая красавица. Одумается Ирод, дай Бог ему разума и здоровья, вернет еще тебя. А Мирьям и Малтака плохо кончат. Помяни мое слово – еще ужалят царя шипы неравного брака. Ирод – наш человек, душа его тянется к нам, к простым.

Дорис. Речи твои – золотые. Но горько, горько мне!

Ноа. Угомонись, Дорис. Возвращайся к отцу. Вместе с Антипатром. Да и я вслед за вами. Что мне делать теперь во дворце – на гнусную камарилью глядеть?

Дорис. Вернусь к отцу. А не поможет ли он? У него ведь дружба с Иродом!

Ноа. На это не надейся. Не станет Арад просить царя за кого-нибудь, даже за дочь свою. Я своего мужа преотлично знаю. У него на уме дела, а в сердце – деньги. За тебя не заступится, ни слова не скажет Ироду, промолчит, будто ничего не произошло.

Дорис. Жаль, коли так. Отправлюсь в изгнание. Может, со временем все образуется. Ты и впрямь утешила меня, матушка.

Ноа. Мы еще вернемся во дворец. Мудрость – она в двух словах заключена: ждать и надеяться. О, к нам идет Шуламит! Она наша союзница.

Шуламит. Я знаю, Дорис, отчего глаза твои красные! Ты ревешь, потому как Ирод отправляет тебя в отцовский дом.

Дорис. Боже, мой! Так скоро новость вылезла наружу! Еще до отъезда успею позора наглотаться.

Ноа. Скажи без утайки, Шуламит, разве провинилась Дорис? Конечно, Антипатр плох, но это не причина для изгнания! Всё интриги Мирьям и Малтаки – проклятая парочка!

Шуламит. Да, Антипатр – молодой прохвост, но и Александр, сынок Мирьям, не лучше брата единокровного!

Дорис. Ирод всю любовь свою отдал Мирьям – вот мое несчастье!

Шуламит. Вы обе правы – и мать, и дочь. А все же Дорис правее. Любящая женщина сердцем видит. Страсть сердечная – в ней корень зла!

Дорис. Вернусь в отчий дом. Любовь к милому мужу сохраню. Буду ждать и надеяться – как матушка советует. Бог даст, и Ирод прозреет!

Ноа. Наше оружие – терпение!

Шуламит. Нет, бабы! Терпение ведет в тупик, и жаль мне вас. Мужчин безумство – вот дикость жизни! Не благодаря терпению, а благодаря нетерпению достигают люди целей!

Дорис. Что можешь предложить ты?

Шуламит. У меня есть план.

Ноа. Скажи сперва, в чем интерес твой, Шуламит?

Шуламит. Хочу, чтоб сумасбродный брат мой вас любил, а не Мирьям с Малтакой, этих матрон, родовитых чересчур. Зазнайство их – кость в моем горле.

Дорис. Разве можно любовью править?

Шуламит. Любовью – нет, а ревностью – да!

Ноа. Открывай свой план!

Шуламит. Внемлите, Ноа и Дорис. Года не прошло, как пришлый художник усаживал Мирьям в саду, вставал напротив и мазал красками натянутый на раму

холст. Он рисовал с нее портрет. Ироду картина понравилась, а Мирьям спрятала ее у себя.

Ноа. Припоминаю.

Дорис. Было, кажется.

Шуламит. Я выкрала портрет. Скажу Ироду, что Мирьям отослала холст в подарок аравийскому принцу, тому, который когда-то увивался за ней. Ирод тайно обыщет ее апартаменты и не найдет ничего. Он ревнивец, и не потерпит жены неверность. Но он царь, и потому не станет затевать скандала. Он изобретет предлог и выгонит из дворца Мирьям, Малтаку и Александра с ними заодно. А вас вернет обратно. Таков мой план! Хорошо, не правда ли?

Ноа. Дай Бог тебе удачи, Шуламит.

Шуламит. Удачи нам всем! Прощайте. Уверена – расстанемся ненадолго!

2

Не откладывая дела в долгий ящик, Шуламит приступила к осуществлению своего замысла, казавшегося ей весьма удачным. Однако Ирод сильно разочаровал Шуламит, поступив совершенно не так, как предполагала проницательная сестра его. Увы, женский здравый смысл проиграл непостижимой мужской логике.

Ирод. С чем пожаловала, сестрица?

Шуламит. Плохие новости, братец.

Ирод. А я-то думал, у меня все хорошо. Если владыка слышет дикарем и варваром, он рубит голову гонцу, принесшему дурную весть. Но я – добрый монарх. Выкладывай, не бойся!

Шуламит. Брось свои шутки, царь! Беда стряслась в семье нашей. Мирьям, любимая тобою, осквернила узы брака.

Ирод. Что это значит? Теперь мне не до шуток, говори скорей!

Шуламит. Помнишь ли, как восхищался ты портретом своей супружницы? Мол, как живая вышла на картине, красоты несказанной?

Ирод. Конечно, помню. Мирьям убрала портрет к себе, задвинула куда-то, напрасно на стену не повесила.

Шуламит. Так вот, художник тот подослан был принцем аравийским, тем самым, который положил глаз на любимую жену твою. А на стену не повесила она картину потому, что задумала отдать ее в подарок принцу. Он давеча уехал, и Мирьям осуществила злонамерение свое.

Ирод. Где Мирьям?

Шуламит. Прогуливается в дальнем саду.

Ирод. Сиди тут. Я мигом обыщу ее апартаменты!

Шуламит. Разумно. Однако действуй быстро – пока не вернулась!

Ирод. Картины нет на месте! Какое горе! Я обманут! Что делать?

Шуламит. Не поднимай шума. Безнравственное поведение супруги позорит царский трон. Придумай повод и отправь в изгнание Мирьям, а с нею Малтаку и Александра. А Дорис верни обратно.

Ирод. Нет, нет и нет! Это всё – потом. Я прежде поквитаюсь с наглцом. Убью его. Другого не дано. А там посмотрим.

Шуламит. Безумец! Ты зрелый муж, ты не мальчишка! Одумайся! Что за сантименты? Изгнать неверную, забыть ее – и точка!

Ирод. Молчи! Как видно, душе твоей холодной неведома страсть нежная. Я люблю Мирьям безумно, и ревность ослепила разум мой. Смерть негодяю! Через час отправляюсь с малой свитой в поход. Тайно. Сейчас убирайся прочь с глаз моих! Немедленно пришли мне мужа своего Иосифа.

Иосиф. Я пред тобою, мой государь!

Ирод. Я должен ехать. Дело неотложное. Не знаю, когда вернусь, и не знаю, вернусь ли. Оставляю под твоим надзором любимую мою жену Мирьям. Если, храни Господь, придет весть о моей гибели, убей Мирьям. Сей приказ – секретный. Ничего не спрашивай. Я доверяю тебе не только супругу, но и

тайну, которая навсегда должна остаться между нами и только между нами! Клянись молчать как рыба!

Иосиф. Клянусь, мой государь! Возвращайся, живи и правь нами!

Глава 11

1

Завершив поход мести, Ирод воротился во дворец. Царь был зол, обескуражен и вместе с тем страстно желал любви Мирьям. Первой его встретила Шуламит. Она досадовала на неуспех своего проекта, сердилась на самую себя, но вида не подавала.

Шуламит. Рассказывай, ревнивец!

Ирод. Я нагнал принца аравийского. Он был в пути. “Верни портрет Мирьям!” – крикнул я ему без неуместной куртуазности. Он изумился: “Какой портрет?”

Шуламит. Комедиант, притворщик!

Ирод. И я так подумал. Я обнажил меч. Он понял, что я не шучу, и сделал то же самое. Ты знаешь, Шуламит, как мастерски владею я оружием. Схватка была короткой. Я ранил его мечом. Окровавленный, он упал на землю, но изловчился и вскочил на ноги, пытаясь продолжить бой. Я выхватил из-за пояса нож и нанес ему смертельный удар в горло.

Шуламит. Это ты умеешь. Что дальше?

Ирод. Трое моих сопровождающих перебили его охрану. Я лично обыскал всю поклажу принца.

Шуламит. Нашел картину?

Ирод. Нет, не нашел!

Шуламит. Должно быть, он отправил портрет с быстрым гонцом впереди себя.

Ирод. Ты мелешь чушь! Кабы принц и впрямь любил Мирьям, он не расстался бы с образом возлюбленной в пути.

Шуламит. Конечно, я мелю чушь! Ты никогда не был высокого мнения о моем уме. Однако глупость таковою только кажется и говорится из лучших побуждений, а глаз простака, порой, зорче глаза умника. Не предполагала я, однако, что царь Иудеи столь безнадежный романтик!

Ирод. Хватит болтать языком, Шуламит! Ты ненавидишь мою Мирьям, мечтаешь, чтоб я ее изгнал. А, может статься, и не дарила она принцу свой портрет? Я хочу верить в это, потому как люблю ее!

Шуламит. Не иначе, сожалеешь, что убил араба, не найдя улик?

Ирод. Нелепое предположение.

Шуламит. Нелепости повсюду с нами – на них мир стоит. Хочешь пример? Пока ты был в отлучке, защищая честь семьи и трона, Мирьям не выказала ни

беспокойства, ни любопытства – где муж ее, и почему уехал он.

Ирод. Довольно злоязычия. Я иду к Мирьям.

2

Ирод истосковался по Мирьям. Не скрывая радости долгожданной встречи, он заговорил о своей любви. Увы, в мирно начатую беседу вплелись колкости, и довольно скоро разговор превратился в ссору, окончившуюся трагически.

Ирод. Я снова вижу тебя, любимая Мирьям. Как ты прекрасна!

Мирьям. Спасибо. Я польщена. Приятны комплименты мужа, ценящего бесспорную красоту жены!

Ирод. Отчего, милая, не спрашиваешь о причине долгого отсутствия моего?

Мирьям. Без расспросов догадываюсь: всё дела неотложные да государственные.

Ирод. Пожалуй, в некотором смысле ты права.

Мирьям. Случается и на моей стороне правота. Так, по пустякам, конечно.

Ирод. Не болят уколы красивой женщины, да еще любимой жены в придачу!

Мирьям. В придачу!

Ирод. Не лови на слове – колючесть не идет тебе. Ты так хороша собою, ненаглядная! Еще не родился художник, которому по силам передать холсту прелесть твою. Уверен, живописный образ не выдержит сравнения с оригиналом. Кстати, достань портрет свой, вместе насладимся приятным сходством и восхитительным отличием.

Мирьям. Ах, Ирод, пропал портрет! Так обидно!

Ирод. Жаль, что ты не сберегла его.

Мирьям. Я берегла. Он стоял вон там. И вдруг пропал.

Ирод. Прискорбный случай. Каковы твои догадки?

Мирьям. Есть одно предположение, но промолчу я. Ты любишь факты, а не домыслы, и подозрительность чужда тебе, не так ли?

Ирод. Да, мнительностью я не страдаю. Бог с ней, с картиной – у меня есть живая Мирьям, и я этим счастлив!

Мирьям. Забудем о портрете.

Ирод. Забыть согласен. Давай прогоним мысль досадную из головы. Однако еще до своего отъезда я заметил, что ночами ты стала холодна со мною. Почему? Ведь это, как говоришь ты, факт, не домысел, не чуждой подозрительности плод!

Мирьям. Не всякую досадную мысль удастся прогнать из головы, любезный мой супруг!

Ирод. Ты, кажется, на что-то намекаешь?

Мирьям. Мой добрый дед Гиркан казнен твоим указом! За что?

Ирод. Гиркан составил заговор против меня, намеревался трон отнять!

Мирьям. Ложь! Ты отлично знаешь, что старик ничего худого не замыслил против тебя. Ты не ведал покоя, куда он жив, ибо в нем, а не в тебе, видел народ истинного царя Иудеи!

Ирод. Вновь укол? На сей раз смехотворный. Ведь, как тебе известно, чужда мне подозрительность!

Мирьям. Укол? Вовсе нет! Забыл, что колючесть не идет мне?

Ирод. Есть еще камни на сердце твоём? Не прячь, швыряй в меня!

Мирьям. Где юный брат мой?

Ирод. Он отбыл по своим делам в Иерихон.

Мирьям. Ты снова лжешь! Став самым молодым первосвященником в Иудее, он обратился к народу с проникновенными словами, и люди полюбили его за ум, красноречие и доброту. Тобою овладели страх и зависть. Ты отослал беднягу в Иерихон, и по указу твоему палач утопил его в пруду!

Ирод. Несообразность! Бред! Зачем мне было умертвлять семнадцатилетнего юнца?

Мирьям. За тем же, зачем и казнить деда-старика. Ты – низкорожденный. Ты – незаконный монарх, ибо трон Иудеи предназначен избраннику Господа из рода Давида. А ты кто? Потомок неиудеев, и назначен на царство людьми, да еще и чужаками. Слышишь? Назначен, а не избран! Людьми, а не Богом! Ты ненавидишь мою благородную семью и из зависти и страха убиваешь, кого рука достигнет!

Ирод. О, Мирьям, я на тебе женат, не на семье твоей! Как видно, мне не по средствам любовь к тебе, коль за нее расплачиваться надо обожанием твоей родни! Нет у меня годного для оплаты материала – ни в казне, ни в сердце!

Мирьям. Ты поставил надо мной надсмотрщика и поручил ему убить меня. Это твоя любовь?

Ирод. О, мой Бог! Тебе известно это? От кого?

Мирьям. Сколько гнева, сколько злобы в тебе – поверить трудно! Таким тебя не знала прежде. Кровь залила глаза. Не вопи, как дикая ослица перед случкой!

Ирод. Негодяй Иосиф выдал тайну! Клятвопреступник! Однако он предал неспроста!

Мирьям. Стыдись, монарх, намеков недостойных!

Ирод. Эй, стража! Иосифа сей же час ко мне доставить!

Иосиф. Вот я, мой государь!

Ирод. Мерзавец, ты выдал нашу с тобою тайну!
Признавайся, зачем?

Иосиф. Ирод, убери кинжал! Я дрожу от ужаса, как
объясню тебе?

Ирод. Говори!

Мирьям. Безумный царь! Иосиф чист, не злонамерен!

Иосиф. Я чист, не злонамерен! Всего лишь я желал
дать доказательство Мирьям безмерности твоей
любви. Открыл ей, что, даже умерев, не сможешь жить
ты без нее, и посему ей надлежит отправиться вслед за
тобой, за мертвым. Убери кинжал, молю!

Ирод. “Умерев, не сможешь жить!” - так ты сказал?
Абракадабра выдала лжеца! Похотливец гнусный,
пороча мужа, нашептывал жене его, чтоб ею овладеть!
Всякий, покусившийся на честь царя, примет смерть
лютую!

Шуламит. Изменщик подлый! Брат, казни его! Я все
слыхала, стоя под окном!

Иосиф. Я не изменял тебе, Шуламит. К Мирьям не
прикасался. Я благонамерен. Мне страшно. Ирод,
убери кинжал!

Шуламит. Запирательством преступник не спасется.
Теперь я поняла, неверный муж, отчего ты избегал
меня!

Ирод. Палач, немедленно сюда! Свяжи Иосифа и через час покажешь мне тело бездыханное!

Шуламит. Царь, пощади супруга моего, пусть живет! Разлучницу убей!

Ирод. Исчезни, Шуламит! Ходатайщица лукавая! Кто звал тебя? Мне претит милосердие твое. Не о тебе пекусь я, о себе!

Мирьям. Жестокий безумец! Изменой не оскверняла я супружеского ложа!

Ирод. О, зачем женился на тебе, Мирьям, коли мой сторож чести в два счета овладел тобою!

Мирьям. Я не любила, я ненавидела тебя, но всегда, всегда, всегда была тебе верна!

Ирод. Не любила, ненавидела меня! Не диво, что отдалась другому. Измену попорченной моей любви я не прощу!

Мирьям. Спрячь кинжал! Я не боюсь тебя!

Ирод. Вот, прячу! Теперь уж он в твоей груди по рукоять!

Потеряв любимую жену, Ирод страдал невыносимо. Он искренно оплакивал смерть Мирьям, словно не его рука вонзила в грудь ее стальное лезвие.

Ирод велел погрузить мертвое тело в прозрачный мед. Долгие дни и ночи просиживал он возле золотого

саркофага и глядел на прекрасный лик, и плакал об утрате, и каялся в поспешности суда своего, и разговаривал сам с собою, словно помешанный, а иногда и проклинал Мирьям.

Прошло время, остыло горе, и вернулась в сердце Ирода неистребимая тяга к женской красоте.

Глава 12

Иссякли слезы у Ирода по возлюбленной и им же убитой Мирьям. Подчиняясь неизбежному, царь предал земле дорогое тело, столь желанное в недавнем прошлом. Позже или раньше – все мы в одну гавань прибудем.

Как и предсказывала Шуламит, изгнание Дорис продолжалось недолго, и первая жена Ирода вернулась во дворец, а с нею вместе Ноа и Антипатр. Изгнанники живут надеждой, порою не напрасной.

Ирод женился на девице по имени Пнина. У четы молодоженов родился сын Элия – крупный и здоровый младенец, который с годами превратился в красивого, высокого, стройного и чувствительного юношу.

Ирод. В молодости я много и славно повоевал. Теперь жизнь моя сделалась размеренной, хотя скучать не дает никогда. Немало возведено нового и украшено старого – все зодческие творения сработаны рабами Рима и иудеями-наймитами. Размах деяний моих царский, перед самым императором не стыдно. Главное, разумеется, – это столица: пусть вере нашей вечным памятником будет отстроенный мною

Иерусалим. Настоящее, иной раз, дает повод для довольства, но не забыты и лихие годы юности. Предаюсь воспоминаниям, и, словно бы, чего-то не хватает мне: привыкли руки к топорам, мечам, секирам. Крепок я еще, не сглазить бы: кости целы, сила не убыла, и сердце послушно докторам – дай Бог дальше не хуже. Впрочем, если правду сказать, сердце у меня непослушное. Похоронив Мирьям, я хоть и не забыл покойницу, а все же женился на Пнине, которую полюбил и по сей день продолжаю любить. И следующие за нею жены не помеха прежним бракам – для всех отысканся в сердце уголок. Таков уж я – царь Ирод, или Ордос, как называл меня отец, мир праху его. Ушло навсегда боевое прошлое, но чую злоуханный запах грядущих битв. На сей раз с семейными. Сыновья подозрительны, и жены не спокойны. Слышу шаги – кажется, Пнина.

Пнина. Что ты бормочешь, Ирод! О ком думаешь, о женах? Или, шире глядя на дело, о женщинах?

Ирод. Не угадала. Думаю о детях.

Пнина. То есть о сыновьях. Дочерей ты препоручил матерям.

Ирод. Дочь – чужое сокровище, о наследниках мои мысли. Воротились мальчики из Рима?

Пнина. Не мальчики уж. Вчера вечером объявились. Элия – красавец парень, девки любить будут. Эх, мои бы слова да Богу в уши! Обняла дитятку и поцеловала.

Ирод. Не сопротивлялся?

Пнина. Нет. Почти. Вот-вот, сыны должны у тебя показаться. В дверь стучат – наследники, наверное.

Ирод. Пнина, встань справа от меня, прими царственный вид. Войдите!

Элия. Как рад я снова очутиться дома! С матерью уж виделся. Здоров ли ты, отец?

Ирод. Здоров, слава Богу. А где Антипатр и Александр? Вы ж вместе прибыли!

Элия. Надо думать, явятся к тебе позднее.

Ирод. Что тут скажешь? Не так хорошо с детьми, как плохо без них.

Пнина. Сын умный радует отца, а глупый – огорчает мать. Так, Элия, в ваших книгах прописано?

Элия. В книгах многое есть, а многого и нет. Пергамент терпелив, матушка...

Ирод. Тонко отвечаешь, Элия, хвалю! Пишут еще, что щадящий розгу не любит сына, а кто любит – с детства сечет дитя.

Пнина. Не будем об этом.

Ирод. Не будем. Надолго ли домой, Элия? Какими успехами школяр порадует отца с матерью?

Элия. Приехал на каникулы, проживу в Иерусалиме до осени. Грамматическую школу уже окончил, нынче в риторской науке постигаю. Наставники хвалят.

Латынь и греческий даются мне легко – я первый ученик.

Ирод. А наши иудейские языки?

Элия. Да ведь арамейский и иврит я с детства усвоил! В Риме два раза в неделю к раввину хожу, учусь у мудреца тексты толковать.

Ирод. Тексты, говоришь? Ну-ну. Вижу, Элия, лежит душа твоя к книгам. А силу развиваешь? В столице есть с кем потягаться. Ты высок ростом и крепок от рождения.

Элия. Лучше многих из лука стреляю, бегаю быстро, прыгаю далеко, колесницей отменно правлю, и грузы мне хорошо покоряются.

Пнина. Аполлон ты мой!

Элия. Довольно, матушка... Вчера уж обнимала!

Ирод. Иди к своим занятиям, сын. У нас с матерью родительский разговор.

Пнина. Я всё думаю о нашем чаде. Элия не кажется тебе странным?

Ирод. Кажется непутевым.

Пнина. Отчего непутевым?

Ирод. А отчего странным?

Пнина. Странный, потому как одинокий он, нелюдимый какой-то. Бирюк-бирюком, с девицей сойтись не умеет. Ни с кем не дружит. Вот и с братьями старшими не поладил. А ведь в малолетстве хвостиком за ними ходил. Как с чужим заговорить – язык к гортани прилипает. Только мы с тобой ему нужны. Оно, конечно, хорошо, что отца с матерью любит, а все же беспокойно мне за сыночка нашего: боюсь, останется бобылем, и не будет у него продолжения, ни детей, ни внуков.

Ирод. Непутевый наш Элия – нет в нем честолюбия, а ведь он монарший сын, горизонты широкие! Вон, Антипатр и Александр, только и думают, как бы царство унаследовать. Боюсь, перессорятся. Который из них на трон не усядется, тот непременно захочет урвать другой кусок пожирней. Домогательство естественное и опасное. Элия же на братьев не похож, ленив и безделен.

Пнина. А ведь в науках-то он успевал лучше их обоих! И сейчас много в книги смотрит, записывает что-то.

Ирод. Вот-вот! Книги, пергамент, перо. А огня-то в душе нет! Впрочем, силой и ловкостью он удался: и гири ворочает, и бегаёт быстро, и верхом скачет справно, и все такое прочее.

Пнина. Пока Элия малюткой был, ты его больше других холил. Не забыл, Ирод? Старших своих любил, а этого – обожал!

Ирод. Дома я редко бывал, но все же руки помнят, как обнимал его, на колени сажал, а он ласкался. Братья ревновали, наверное?

Пнина. Не знаю. Об Антипатре тебе Дорис скажет. А у кого про Александра спросишь? Доброте отца обязанный, сын твой второй сиротой по матери рос.

Ирод. Упрекаешь? Старое поминаешь?

Пнина. Упрекаю и поминаю, хоть и страшно мне. Боюсь я тебя, кинжалов твоих на всех жен хватит!

Ирод. Не бойся – годы мои уж не те. Однако не сердись меня!

Глава 13

Зрелые годы Ирод посвятил трудам благочестия. Завоевав любовь и защиту римских хозяев, он покончил с войнами и со свойственными ему размахом и фантазией принялся возводить в Иудее храм, дворцы, крепости и еще многие, и многие достопамятные постройки. Не забывал он и города за пределами родины. Открывшееся в монархе человеколюбие подвинуло его на деяния благотворительности.

Иродовы антагонисты различных родов и убеждений утверждали прежде и поныне стоят на том, что посредством щедрот тщеславный и честолюбивый монарх желал лишь обрести прижизненный ореол величия и обессмертить свое имя на будущие времена. К услугам противников царя история преподнесла и факты, и их толкование.

Арад, в прошлом надежный строительный подрядчик Ирода, теперь одряхлел, но по-прежнему вхож в

царский дом. Он выучил сына Идо обделывать дела, а потом отправил отпрыска в Рим перенимать у тамошних знатоков мастерство зодчества.

В своих строительных начинаниях Ирод любил советоваться с приближенными. Возводя Иерусалимский храм, монарх благоразумно принимал во внимание критику нового первосвященника Хананеля.

Ободренный присутствием отца, робкий, но умный и хорошо образованный царский сын Элия, участвовал в обсуждении хода дел.

Ирод. Друзья, близится к концу постройка святилища веры иудейской. Пусть не только обитатели Иерусалима, но и рассеянные по всей империи иудеи знают, что это я, царь Ирод, возвел земную обитель Господа, и нет в мире здания, равного нашему храму по величию и красе!

Арад. С трепетом и гордостью вспоминаю я начало работ. Тогда я был еще в силе. Нанятые мною сотни землекопов изрядно увеличили плоское пространство на вершине холма, плотно-плотно утрамбовали землю и даже засыпали две речушки.

Элия. Зачем это?

Идо. Отец, я вместо тебя отвечу, ты отдыхай. Это требовалось, Элия, для прибавления храму новых площадей – ведь мы задумали распространить постройку вширь.

Ирод. Не только вширь. Мы надстроили главное здание и стены вокруг. Высота удвоилась!

Идо. Внутреннее пространство стало много поместительнее, и залы поражают великолепием.

Элия. Идо, ты изучал зодчество в столице мира. Помнишь ли роскошь тамошних дворцов?

Идо. Разумеется, помню, и в известной степени я подражал Риму. Думаю, у нас не хуже вышло. Стены и пол мы отделали мрамором разных цветов – белым, зеленым, голубым. Красота!

Ирод. Я хотел украсить все здание золотом, и казна позволяла. Жаль, Хананель выразил несогласие, а я не иду против мнения священников, хоть и не всегда могу его уразуметь.

Элия. Отчего, Хананель, ты воспротивился – ведь нет украшения лучше золота. И разве плохо, если мир будет знать о богатстве Иудеи?

Хананель. Плохо, юноша, если мир будет чрезмерно осведомлен о богатстве иудеев. Мы малы среди народов, у нас кругом враги, а слабому не гоже зависть сильного будить.

Элия. Ты так же думаешь, отец?

Ирод. Для меня решение земных наместников Господа непререкаемо. К тому же слово Хананеля есть плод коллективного разума Совета мудрецов.

Арад. Выходит, нельзя не оглядываться на чужих. Все дело в людях, Хананель?

Хананель. О, нет, не только и не столько в людях. Всевышнего не будем забывать. Мы ведь под Богом ходим, мы Его рабы. Господь не без предела любит красоту: Он допускает мрамор, но осуждает пышность золота касательно избранников своих. Нам подобает скромность, дабы оставаться целыми и невредимыми.

Ирод. Почтительность к сильнейшему – вот лучшая демонстрация скромности.

Идо. Идея эта заложена мною в архитектуре храма.

Арад. Что сие означает, сын мой?

Ирод. Позволь, Идо, я для начала вставлю слово как монарх, ведь зодческая идея, воплощенная тобою, проистекает из политики и денег.

Арад. Старею, недогадлив стал...

Ирод. Все очень просто. Величественный храм – не только наша гордость, но и Рима честолюбивый интерес. Посему империя немало помогала мне в постройке, и возвращать долг нам пристало уважением к вере римлян и к ним самим. Архитектурную сущность замысла пусть разъяснит Идо.

Идо. Внутри храмовой стены я выстроил для чужестранцев огромный и роскошный зал. В его пределах всякий римлянин или иной неиудей может безопасно находиться и любоваться красотой

чудесного храма, размышляя о том, сколь далеко простирается имперское величие Рима.

Хананель. Я настаиваю: в зале должна красоваться остерегающая надпись на чужих языках, мол, запрещен неиудею вход во внутренние покои храма, а нарушившего запрет ждет неминуемая смерть.

Ирод. Элия, ты самый грамотный, вот тебе кусок пергамента. Напиши сие по-латыни и по-гречески, а мои умельцы, на твою записку глядя, вылепят большие буквы на стене.

Элия. Готово, отец!

Ирод. Доволен ли ты, Хананель?

Хананель. Надписью доволен, но заявляю, что без этого зала можно было бы и обойтись. И римский орел на воротах храма не радует меня. Царю Иудеи ставят в укор низкопоклонство перед язычниками. Справедливый упрек.

Ирод. Пусть так. Я друг справедливости, и тебя, Хананель, призываю дружить с нами обоими. Не ты ли говорил, что мы малы среди других народов, и у нас враги кругом? Мое низкопоклонство – иудеев защищенности порука. А покуда в безопасности мы пребываем, то нет у нас помех, чтобы блюсти свою веру и отцов законы. И, справедливости ради, упомянем: римляне приносят жертвы Господу нашему, а мы, черной неблагодарностью исполненные, поносим их богов. Тебе слова мои нравятся?

Хананель. Нравятся, не нравятся – терплю, чтоб не ославиться. Так нынче сильные мира сего говорят. Разве вправе я перечить монарху, над всей Иудеей царящему? Мое дело – в храме царить.

Идо. Всякий в своей вотчине хозяин. Однако признайся, Хананель, недурен вышел храм?

Хананель. О, сооружение великолепно! Совет мудрецов постановил: “Кто не зрил храм, Иродом построенный, тот не видел в своей жизни красивого здания!”

Арад. Наш славный царь не только храм возвел. У Ирода немало есть причин для гордости.

Хананель. Перед кем гордиться – перед своими или чужими?

Элия. Свои или чужие? Наставник в Риме, философ мудрый, так учил меня: придет время, и не будет ни римлянина, ни иудея.

Хананель. А в Иерусалиме наставники другому учат: сломит Бог гордый рог!

Элия. О ком это?

Хананель. О римлянах, надо полагать!

Идо. Не будем лить масло ни в огонь, ни под ноги – дабы не разжигать и не скользить. Пусть лучше Ирод поведает нам, что, кроме храма, построил и строит он, а я, как зодчий, от себя присовокуплю.

Ирод. Октавиан вернул Иудее области, Антонием изъятые в пользу Клеопатры. На землях этих возвел я дворцы и назвал их именами владык римских, благодетелей наших.

Арад. Я сам в те годы белый мрамор доставлял – для стен, лестниц и колонн. У истоков Иордана строились мы.

Элия. Я знаю далеко не всё, но что успел увидеть – мощно и красиво. Ты скромн, отец.

Ирод. Нам скромность подобает – так Хананель нас учит. Посему я кроток.

Идо. Коль мера кротости исчерпана тобою, то я дополню твои слава, монарх. Задумывая и воплощая, я наслаждался раздольем зодчего. Амфитеатры, рынки, театры, стадионы, бани, бассейны – я трудился не покладая рук. Грядущие поколения нас не забудут.

Ирод. Да, поколения. Я воздвигал на века. Нет, не на века – навсегда! Архитектура уничтожает время, она есть летопись мира и говорит, когда уже смолкли предания старины. Кейсария – вот лучшее мое творение. Порт, улицы, статуи. Гавань – мореплавателям, город – императору!

Идо. Прежде отплытие в Египет было предприятием опасным из-за ветров меж береговых скал. Поднимавшиеся волны грозили кораблям крушением. Выстроив гавань, мы укрыли ее плотиной и волноломными камнями огромной величины. Теперь мореходство там надежно, и торговля расцвела. Воистину, Ирод победил природу!

Арад. Помнится мне, работали мы и за пределами Иудеи. Поведай, Ирод.

Ирод. В Дамаске и Триполисе, в Тире и Сидоне – всех мест не перечесть. Строили театры, колоннады, рынки, купальни, колодцы. Повсюду гимнасии устраивали.

Элия. Гимнасии – это здорово! С образованным человеком, народу Книги, легче сговориться.

Хананель. Ошибаешься, юноша! Образованные язычники опаснее невежд, ибо наукоподобная ложь укореняется в сердцах и взращивает враждебность к иудеям.

Идо. А я согласен с Элией. В конце концов культурная зелень заглушит сорняки невежества соседей, и мы обретем друзей.

Хананель. Обретаем врагов! В чужеземных городах, где ты, Ирод, культуру сеял, добавилось язычников, а общины наши поредели. И не диво: театры, купальни и прочие вершины язычества чужды иудеям.

Ирод. Должен ли оправдываться царь, и объяснять, и убеждать, искать сочувствующих? Лучше добавлю нечто другого рода, и да полюбится сие прекословщикам моим. Весьма высоко я почитаю родителей моих. В честь отца я основал и назвал новый город. В память о матери я возвел красивейшею крепость и присвоил ей имя родительницы.

Арад. Стремление к почитанию родителей передается от отца к сыну, а Бог дал тебе достойных наследников, Ирод!

Ирод. Не знаю, не знаю... Скажи, Элия, отчего Антипатр и Александр не пришли приветствовать меня? Почему нет их сейчас с нами? Тревожат они меня. Не ладят меж собой, да и ты раздружился со старшими братьями. Объясни, коли можешь.

Элия. Нет у меня ответов, отец. Прости.

Хананель. Торопишься, царь, о сыновьях кручиниться. Негоже выдумывать невзгоду и печалиться о ней, о не пришедшей – может, с пути собьется и не явится!

Арад. О другом спрошу. Ты многих имена увековечил, Ирод. Не забыл ли обо мне?

Ирод. Нет, не забыл, честный и верный компаньон! Вскорости обрадую тебя. Назвал же я выстроенное мною здание в Иерихоне именем Ури – доброго друга юности!

Хананель. Имею слово похвалы для тебя, неоднозначный царь. Помнится, в отстроенных тобою хоромах ты прежде охотно принимал языческих гостей. Пировал с ними, сиживал в театрах, плескался в бассейнах, и, не про нас будь сказано, обнажившись, мылся в общей бане. Рискну добавить, что, коли до сих пор ты считаешь дружка Ури, то легко заподозрить твою приверженность иным грехам. Присутствие Элии удерживает меня от откровений.

Ирод. Укор я слышу, а в чем же похвала твоя, первосвященник однозначный?

Хананель. В том похвала, что нынче ты почти забросил бесчинства прежних лет. Пребиваешь во дворцах своих, то в одном, то в другом, от гостей-язычников отмежевался – стало быть, меньше грешешь. Странно, однако: ты не просиял, а помрачнел от этих слов!

Ирод. Похвала тяжелей упрека – вот и помрачнел. Вынужденно приемы отменил, поневоле затворяюсь. Один как сыч. Не выхожу из комнаты, боюсь совершить ошибку. Много врагов у меня. Завидуют, злорадствуют, задумывают козни строить, того и гляди – на жизнь мою покусятся.

Элия. Всем сердцем жалею тебя, отец. Не болен ли?

Арад. Одновременно и государствовать, и семьей править – истинное истощение души. Лекарь посоветует отвар целебный.

Идо. Живи во здравии, без бед, монарх мой!

Элия. Пока я пребывал в Риме, дошел до меня слух, мол, на землях иудейских случился недород, и голодала чернь. Как справился ты с этой бедой, отец? Я, в знак участия, не допускал мясного на своем столе.

Идо. Мы все сочувствовали. Даже на пиры не собирались, пока бесхлебица была в стране.

Ирод. Я подати уменьшил и голодающим вспомоществовал из собственной казны.

Хананель. Не только из казны. Сокровищам священной гробницы Давида ты поспешил дать благотворительное применение.

Глава 14

1

Живой водой честолюбия и денег Ирод орошает засыхающее древо Олимпийских игр. Выстроенные им амфитеатры, гипподромы, цирки становятся поприщами спортивных состязаний, на проведение которых монарх щедро предоставляет средства из казны. Иерусалимский царь преследует три цели: завоевать успех и признание среди греческих обитателей городов вокруг Иудеи, еще более упрочить свои позиции в Риме, и, наконец, притянуть к спорту молодых иудеев. Царь достигает всех целей, хотя и не в равной мере.

Ирод отослал сыновей в Кейсарию для тренировок и подготовки к ближайшим играм. Сам намеревается прибыть туда позднее, накануне начала состязаний. Вместе с мужем выразили желание отправиться жёны Дорис и Пнина, а также еще две царские супружницы – Федра и Эльпида.

Ирод. Ну, вот я и приехал, сын мой! Ты рад?

Элия. Конечно, рад, отец. Мне не хватает вас – тебя и матери. Тяготит одиночество.

Ирод. Твоя матушка прибыла со мною вместе. И еще нескольких мачех я с собою привез. Познакомишься, если не всех знаешь.

Элия. Как прекрасно! Жаль только, что не на все состязания женщинам глядеть позволено.

Ирод. Мысленно мы с тобою – болельщики твои.

Элия. Надеюсь не осрамиться.

Ирод. Элия, ты, кажется, сказал, что томишься в Кейсарии одиночеством. Но ведь с тобою братья Антипатр и Александр!

Элия. Они не со мною, отец.

Ирод. Как же так? Где они? Ведь вы отправились вместе втроем!

Элия. Где они сейчас – не знаю.

Ирод. Говори, что знаешь!

Элия. В дороге мы всё больше молчали. Мне кажется, братья не дружны между собой. Сказать по чести, я и сам с ними не очень близок. Я не расспрашивал их ни о чем.

Ирод. Они покинули Кейсарию врозь или вместе?

Элия. Врозь. Первым уехал Александр. Он заявил, что ему потребны упражнения не для тела, но для ума.

Ирод. Отговорка. Как раз для тела упражнения ему нужны. Он умен немало, но силой и ростом не вышел. Должно быть, поэтому сбежал. Куда, однако?

Элия. Не сказал.

Ирод. А что придумал Антипатр?

Элия. Он посмеялся над Александром. Не в лицо, а вслед. Со мной же был немногословен, как с младшим. Уехал, ничего не объяснив.

Ирод. Братья говорили с тобою обо мне?

Элия. Не было такого.

Ирод. Бог с ними. Когда начало игр?

Элия. Предсказатели пророчат хорошую погоду послезавтра. Тогда и начнем.

Ирод. Я удостоен почета быть судьей всех состязаний.

Элия. По заслугам и честь. Люди вспоминают, ты в молодости славился силой и проворством.

Ирод. Хорошо, что держат в голове бывшее. Я и сейчас кое на что способен. Да, сын, мне радостно думать о молодых годах моих.

Элия. Хотелось бы услышать!

Ирод. Расскажу, пожалуй. В двух словах. Я слыл наездником превосходным, в седле держался ловко, и

никто не мог превзойти меня в верховой езде. Стрелы мои попадали в середину мишени, копье летело далеко, и в беге я был не из последних.

Элия. Говорят, везло тебе на охоте?

Ирод. Дело в мастерстве, а не в везенье. Не будет счастливым тот, кто надеется на счастье. Однажды за день я убил сорок зверей – оленей, лесных кабанов, диких ослов. Думаешь, это байка охотничья? Сомневаешься – спроси у Дорис, она сама вела учет рогам, копытам, шкурам, тушам!

Элия. У нас в гимнасии о неловких школярах говорили “Он не выучился ни плавать, ни читать”. Обо мне, батюшка, такого никто сказать не мог.

Ирод. Отлично! Вот послезавтра и увидим, достойно ли царский сын продолжает традицию первенства своего венценосного отца. Учти, однако, я судья нелицеприятный!

2

Не менее, чем здравый смысл ума, украшает человека красота тела его. Наставники, готовившие юношей к состязаниям, пришли в восхищение от телесного совершенства Элии. Посему назначили царского отпрыска участвовать в пятиборье вместе с другими пентатлосами – самыми гармоничными атлетами.

Тренируя монаршего сына, воспитатели езды на колесницах учили его командовать квадригой, помещающей внутри себя пятерых бойцов.

Элия. Я окончил выступление, отец. Омоюсь в бассейне – и я с тобой!

Ирод. Жду, Элия.

Элия. Я готов, батюшка. Не знаю, радоваться или печалиться. Всё так неопределенно. Опасаюсь твоего строгого суда.

Ирод. Да, ты не весел.

Элия. В четырех состязаниях я первым был среди пентатлосов: никто быстрее меня стадий не пробежал, и прыгнул я дальше всех, мои копье и диск улетели недосыгаемо для прочих атлетов, но...

Ирод. Я видел. Ты отказался от единоборства. Без боя отдал противнику победу. Испугался, Боже сохрани? А ведь он уступал тебе и в росте, и в силе!

Элия. В том-то и препона моя, что он слабее! Да, я испугался: побеждая, мог причинить ему боль физическую. Душа не терпит превосходства за такую цену, силой подавлять другого я не хочу.

Ирод. Я крайне опечален, Элия. Не пойму никак, чем худо нанести противнику ущерб? Телесный, душевный – любой годится! Учти, сын: жалость – помеха в жизни. Боюсь, нет в тебе духа бойцовского. И разве легкая победа – не победа?

Элия. Расходимся мы в наших представленьях. Успехами я не умею наслаждаться. Зачем вообще битвы, схватки, бои, если мир лучше победы?

Впрочем, согласен с тобою – нет во мне духа бойцовского.

Ирод. Завтра – день награждения. Ты хоть и не победил в пятиборье, но будешь отмечен мною, ибо я учредил награды для вторых, третьих и других достойных. Как судья, я присвою тебе почетное место среди пентатлосов – ведь в четырех из пяти состязаниях ты всех оставил далеко позади себя.

Элия. Благодарю, отец.

Ирод. В сторону, однако, пятиборье, не вполне удачное для нас с тобой. Зато на гипподроме ты был непревзойденным! Горжусь! Квадригой сын мой правил лучше всех. Я с радостью надену на голову твою корону из оливковых ветвей – корону победителя! Но почему вновь вижу я печаль в твоих глазах, Элия?

Элия. К несчастью, есть причина. Воспитатели езды на колесницах наставляли меня командовать квадригой, несущей нескольких бойцов. Казалось, я превзошел сию науку, однако, по окончании ученья, командирство мне не доверили, мол, я не создан верховодить, моя стезя – управлять самим собой, не более того. А возница я искусный – это верно.

Ирод. О, этим ты огорчил меня еще сильнее. Неужто царский сын не знает, как требовать, повелевать, приказывать? Не должно быть такому! Я полагаю, ты не проявил усердия в учении, ленился. Ты не оправдываешь надежд. Впрочем, оливковые ветви тебе положены. Но знай – я разочарован чрезвычайно.

Элия. Ты разочарован чрезвычайно, а я удручен до чрезвычайности. Не радуют меня победы и награды. Ничто меня не радует...

Глава 15

Ирод постарел. Наследники стали взрослыми, и между ними разгорелась нешуточная борьба за трон. В центре схватки стояли Антипатр, старший сын монарха от его первой супруги Дорис, и Александр, второй царский отпрыск от любимой и убитой Иродом жены Мирьям. Не только сыновья, но и другие члены монаршей семьи – все были одержимы круговой ненавистью и взаимным страхом, покоряясь дикой воле к унижению и уничтожению противной стороны.

Шуламит. Хорошо ли ты помнишь, Дорис, как я радела за тебя, когда брат мой изгнал вас с Антипатром из дворца?

Дорис. Не забыла. Я уж не молода, но в детство еще не впала, при памяти пока. И что же ты сказать намерена?

Шуламит. А то, что в былые годы я была твоей союзницей, и сейчас по-прежнему верна тебе!

Дорис. Было, помню! Но ведь время идет, а? Может ты на меня сердце держишь, за то что Ирод мужа твоего Иосифа убил?

Шуламит. Экая путаница в голове твоей! А говоришь, дескать, при памяти ты. Причем тут Иосиф? Не ты ведь, а Мирьям с ним путалась!

Дорис. Верно. Старею. Может, и впрямь в детство впадаю. Чего ты хочешь, однако?

Шуламит. Я прежде ненавидела Мирьям, теперь ненавижу последки ее.

Дорис. И я с тобою!

Шуламит. Зато неразумный брат мой упивается воспоминаниями о Мирьям и вдобавок желает угодить знатным родичам ее.

Дорис. Плата угождающему – высокомерие, а если кто не любит – тому вообще не угодишь. Ирод же всем желает потрафить!

Шуламит. Притом никому не верит и всех подозревает! Он рад бы оставить трон Александру, дабы вернуть царство в руки благородных, но.....

Дорис. Но боится, что Александр отравит его, мстя за убийство матери!

Шуламит. Вот именно. Во мне же кипит злоба на высокородных. И Ирод, и я, и ты, и Антипатр – все мы из простых, и да сохранится наша власть над Иудеей!

Дорис. У тебя, как водится, заготовлен проект?

Шуламит. Да, заготовлен. И действовать надо всем вместе: мне, тебе, а, главное, сыну твоему.

Дорис. О, как бы я желала, чтоб Антипатр унаследовал царство!

Шуламит. Не менее твоего желаю!

Дорис. Подытожим. Стремление Ирода – завещать корону благородному Александру. Но царь знает о ненависти сына и о замысле отцеубийства. Потому и мечется монарх в сомнениях: не лучше ли казнить такое чадо, чем собственной жизнью рисковать?

Шуламит. Знающий о возможных несчастьях, уже этим знанием до некоторой степени счастлив. К тому же осведомленность Ирода нам на руку. Доведем страх царя до отемнения ума, до безрассудства, и тогда он завещает венец Антипатру!

Дорис. Антипатр с Александром и без того враги. Прольется кровь! Тебе не страшно?

Шуламит. Корону без кровопролитья не надеть! Стыдись, заячье сердце! Не спрячешься ни от кинжалов, ни от молвы!

Дорис. Кинжалы молвы – вот бедствие на все века.

Шуламит. Что нам все века, нам-то один век намерен! В него и втиснем утоление страстей!

Антипатр. О, вы в этом зале, матушка и тетушка? Я пришел сюда для беседы с отцом, он мне назначил встречу здесь.

Дорис. Мы уйдем, сын, оставим тебя одного,ждидайся отца.

Шуламит. Но прежде выслушай нас.

Антипатр. Я готов внимать речам мудрости.

Шуламит. Шутки в сторону, дружок! Известно ли тебе, что твой родитель задумал завещать трон Александру?

Антипатр. О, ужас! Впервые слышу!

Дорис. Не корчи из себя шута и нас не дурачь!

Антипатр. Шуту все дозволено!

Шуламит. Ты сомневаешься в нас? Есть у тебя друзья надежнее матери и тетки? Ты – старший сын, и тебе положена корона!

Дорис. Вы с Александром враги. Он опасен, берегись его, сынок, он и на жизнь твою покусьтся горазд!

Антипатр. Я осторожен, матушка – привычка скромного происхождения.

Шуламит. Осторожность хорошо, а смелость – лучше! Твой брат ненавидит отца за кровь матери. Мне донесли, что Александр задумал отравить Ирода, то бишь одним камнем убить двух птиц – заполучить венец и отомстить за Мирьям.

Антипатр. А что отец? Не разгадал опасность? Не может быть такого! А если разгадал, то почему предназначает трон Александру?

Дорис. Завещанием в пользу Александра отец думает купить благосклонность сына. К тому же Ирод хотел бы отдать корону высокородному потомку.

Антипатр. Теперь я вижу, вы обе сведущи, почти как я!

Шуламит. А, может, даже более тебя! Я знаю из надежных уст, что Александр имеет запасной план. На случай, если не сумеет убить отца, умчится в Рим. В уши императора он выльет ушат клеветы на Ирода, добьется развенчания царя и сам усядется на трон!

Дорис. Мы справедливости хотим: не Александр, а ты должен унаследовать царство!

Шуламит. Несправедливость не всегда от действия бывает, она и от бездействия случается. Ворочай камни, а не пролеживай бока!

Антипатр. Что, по-твоему, тетушка, мне делать надлежит?

Шуламит. Выкладывай отцу все замыслы братца. Настраивай родителя подобающе. Уши прожужжи ему!

Антипатр. Вот вы и жужжите ему в уши, а мне это делать не пристало! И верных людей найдите и подбейте, чтоб со всех сторон музыка звучала! А подкупить кого – я денег дам!

Шуламит. Дружок, давно уж не молчу я! Говорила с Иродом не раз. Что верно, что неверно – не проверяю, все доношу!

Дорис. Ты прав. Мы на себя возьмем труд доводить до монарха молву и толки. А ты остерегайся злословить – целее будешь!

Антипатр. Матери любовь проста и завсегда на верный путь наставит. Кажется, отец идет. Оставьте нас.

Шуламит. Мы удаляемся.

Ирод. Начну без предисловий, Антипатр. Твой брат меня тревожит. Витают слухи в воздухе, что он недоброе против меня задумал. Я знаю, ты с ним не дружишь, но ты ведь старше и рассудительней. Что посоветуешь мне?

Антипатр. Да, отец, я не дружен с Александром. Но не стану возводить напраслину на брата. Тебя он любит, я знаю доподлинно. Бабской болтовне доверять нельзя. Александр человек прямой, а у таких всегда немало врагов, клеветой не брезгующих.

Ирод. Ты честен, Антипатр. Спасибо. К месту твои слова, хоть не рассеяли они мою тревогу.

Антипатр. От чистого сердца я говорю. Нет для меня награды выше, чем твое и Александра счастье.

Ирод. Ты знаешь о моем намерении завещать царство Александру. Не горько ли тебе, ведь ты же старший сын?

Антипатр. Об этом не тужи, батюшка! Не пристало сыну ни порицать, ни одобрять произволение отца.

Родительской волей правит высший смысл, и потому она священна для меня.

Ирод. Воистину, ты честен, Антипатр. Пусть в справедливости молвы ты не разубедил меня вполне, но чувствую в тебе надежную опору, и в этом мое успокоенье.

Союз в пользу Антипатра ширился. Царь Иудеи получал всё больше донесений о преступных намерениях Александра. Единственным утешением монарху служила честность старшего сына, который продолжал уверять отца в отсутствии злых намерений в голове брата. Тем не менее, доводимая до ушей Ирода молва подвинула его к решительным действиям.

Глава 16

1

Шуламит и Дорис нашли достойных союзников среди придворных, и все вместе упорно вливали яд в уши Ирода, пороча Александра. Неустанные нашептывания о недружелюбии сына к отцу добавляли правдоподобия злонамеренным речам.

Подкупленные Антипатром царедворцы твердили Ироду про яд иного рода – настоящий, из склянки. Мол, Александр задумал отравить отца. Сам Антипатр покорял Ирода искренней лояльностью к младшему брату и искренним же почитанием родительской воли.

В мятущейся душе монарха вышло окончательное убеждение: Александр враг, а Антипатр – друг. Царь

принял решение изменить завещание в пользу Антипатра. Не ограничиваясь этой мерой, Ирод вынудил Александра ехать вместе с ним в Рим, дабы перед лицом императора Октавиана обвинить сына в намерении отцеубийства и испросить вердикта владыки.

Октавиан. Премного рад приветствовать в столице мира царя Иудеи и сына его.

Ирод. Мир тебе, Октавиан. Радостное приветствие кесаря империи – высокая честь для царя ее провинции.

Александр. Мир тебе, славный Октавиан.

Октавиан. Александр, я помню тебя мальчиком. Как вырос ты – передо мною взрослый муж!

Александр. Благодарю. Боюсь, мое взросление не всем услада.

Октавиан. Многозначительный намек. Ты мрачен, Ирод. Неладно что-то в иудейском царстве? Говори. Мой долг выпрямить кривое.

Ирод. Не собирался петь хвалу Александру, но признаю, он прав: взросление его не всем услада. Мне же – горе!

Октавиан. Как неожиданно и как печально!

Ирод. Всевидящий Господь наш не даст солгать мне, я намеревался завещать трон Александру....

Октавиан. Позволь, но ведь Антипатр, как старший сын, является естественным наследником твоим!

Ирод. Иудеям подавай на трон особу царского замеса. Единоверцы не смирились до конца с моим простым происхождением, и потому, желая угодить народу своему, я первоначально предназначал корону Александру, ибо он сын высокородной Мирьям. Увы, сей недостойный юноша бесценным даром крови пренебрег.

Октавиан. Пренебрег? Как это понимать? Не в том ли корень беды, что Антипатр не признал свою отставку, и разыгралась борьба за наследование короны? Драма тяжелая и отнюдь не новая, кровопролитием чревата.

Ирод. О, не совсем так, император! Старший сын к резонам моим лоялен и с кротостью принимает мое решение отдать венец брату. Антипатр любит меня и любит Александра.

Октавиан. Выходит, мое предположение ошибочно. Говори, в чем дело?

Ирод. Не в “чем”, мой властелин, а в “ком”!

Октавиан. Теперь я, кажется, догадываюсь, в чем, а, вернее, в ком дело.

Ирод. Александр – мое разочарование, беда, горе – всё вместе. И хуже того: в сердце сына созрела смертельная угроза для меня.

Октавиан. Столь серьезные обвинения требуют не менее серьезных подтверждений!

Ирод. Ты прав, Октавиан! К несчастью, в доказательствах нет недостатка. От лучших людей, истинных моих доброжелателей, мне доподлинно известно, что злоязыкий Александр, не стесняясь и не остерегаясь, хулит отца и брата. Он очерняет нас, и каждый шаг и слово наше перетолковывает вкривь и вкось и извращает. Он собрал вокруг себя моих старых и новых врагов, и ненавистники вдохновляются словами клеветы, и лагерь их крепнет.

Октавиан. Кто те лучшие люди, истинные доброжелатели, открывающие тебе глаза?

Ирод. Друзей у меня, слава Богу, много больше, чем врагов. Я не стану чрезмерно занимать твое внимание и назову лишь двоих – это Шуламит, сестра моя, и Дорис – мать Антипатра. Чему свидетели сами, что слышат от других – они добросовестно доводят до меня. Нет сомнений в их непредвзятости, они радуют только о пользе государства и его монарха – и ничего более!

Октавиан. Сестра и жена тебя осведомляют?

Ирод. Ты улыбаешься? Разве происхождение мысли влияет на ее достоинство? Умалает его?

Октавиан. Пусть так. Однако оставим в стороне худословие твоих недругов, ибо порой трудно и спорно отделять его от заурядной сплетни. Однако я весьма обеспокоен: ты сказал, что в голове стоящего напротив нас Александра зреет мысль убить тебя!

Ирод. Я знаю это наверняка. Мои осведомители, донесли, что Александр выписал из Египта смертельный яд, для меня предназначенный. Я принял все меры предосторожности, дабы не пасть жертвой преступного сына. Я не назову в присутствии Александра имена верных мне людей, дабы уберечь их от беды – ведь яд неразборчив!

Александр. Боже мой, каким речам ужасным я очевидцем стал! Как горестно слышать такое обвинение из уст родителя! Зачем здесь я? Зачем отец здесь? Неужто сам император, владыка мира, должен разбирать чужие семейные дела, вникать, расследовать, судить? На песке выстроен дом заблуждений. Чтобы разрушить хлипкую постройку не требовалось ехать из Иерусалима в Рим!

Октавиан. Александр, твое слово впереди, и ты его получишь непременно. Тебя же, Ирод, я прошу ответить на простой вопрос: какой вердикт ты ожидаешь от меня?

Ирод. Я намерен изменить завещание и оставить трон не Александру, но Антипатру. Мне требуется твое, Октавиан, согласие.

Октавиан. Прежде ответь мне, Ирод, не ускользает ли от твоего родительского взора война меж сыновьями? А если тайно от тебя она ведется?

Ирод. Можно ли назвать войной противостояние, когда одна сторона нападает, а вторая открывает ей объятия? Лживый Александр чернит брата в глаза и за глаза, а честный Антипатр неизменно находит доброе слово для своего хулителя.

Октавиан. Зато ты не находишь доброго слова для Александра! Пора выслушать его. Говори, юноша!

Александр. Волею отца мы оба очутились перед лицом твоим, Октавиан. Ты мудро разберешь дело, и нам останется лишь с благодарностью принять твое решение.

Октавиан. Вступление сделал твой отец. Переходи к сути, Александр.

Александр. Повинуюсь. Октавиан, я весьма почитаю родителя моего, и, Боже сохрани, не вынашиваю преступных замыслов. Клянусь! Не о себе тревожусь, но об отцовском здравии, от ошибок воображения не защищенном. Нет у меня никакого яда, подавно не имею злонамерений, о которых мне пришлось впервые услышать здесь. И слов дурных не говорил я о тебе, отец. Ведь сам-то ты никогда не слыхал от меня речей хулы – сие невозможно отрицать! А коли так, то, стало быть, доносчикам нет веры. Жестоким пыткам надобно их подвергнуть – чтоб во лжи признались!

Октавиан. Александр, дружен ли ты с братом Антипатром?

Александр. Мы холодны друг с другом, разный нрав у нас. Антипатр властолюбив и жаждет усесться на трон. Допускаю: интригуя, он клеветает на меня отцу. Но настаивать на этом не могу, ибо собственными ушами не слыхал, а извечники на службе у меня не состоят.

Октавиан. Итак, Александр, ты отрицаешь обвинения Ирода. Чем можешь поручиться в правоте своей?

Александр. Поручкой мне послужит моя чистая совесть – она важнее короны! Я бесконечно люблю и почитаю отца, но мне нестерпимо слышать из уст его столь непомерно тяжкие обвинения. Если родитель желает того, то пусть лучше казнит меня, нежели терзается мыслью о негодном сыне. Мне страшна не смерть, но мысль о страданиях отца.

Октавиан. Я выслушал вас обоих, отец и сын. Ни тот и ни другой не убедили меня. Уверен, Ирод, хороший лекарь поможет тебе вернуть покой душевный. Не сомневаюсь, что сыновья твои мечтают оба о короне царской, и потому не дружны и подозрительны друг к другу. Таково уж наше человеческое естество. Ты дорог мне, Ирод, и оба сына твоих дороги мне. Но еще дороже для меня процветание империи, а один из залогов сего – мир в Иудее и благополучие царей ее. Вот мой вердикт: все трое примиритесь меж собою, сыновья обязаны повиноваться отцу, а тот завещает корону кому пожелает.

Ирод. Я подчиняюсь твоей мудрости, Октавиан. Я больше не обвиняю Александра. Ты положил конец семейному раздору, и прими мою благодарность.

Александр. Я склоняюсь перед волею императора и не нарушу изволение отца.

Ирод. Уверен, Антипатр будет счастлив принять твой суд, Октавиан.

Выслушав примиряющий вердикт императора, Ирод и Александр возвратились в Иерусалим. Хотя царь Иудеи с внешним воодушевлением принял решение Октавиана, но в сердце его по-прежнему гнездились подозрения. Тем не менее условия мира вполне удовлетворяли Ирода, и, чтобы их закрепить в головах подданных, он собрал своих приближенных, сообщил о благоприятных результатах поездки в Рим и потребовал миролюбия, искренности, прекращения козней и благонамеренности. Во внутриворцовом саммите, выражаясь современным языком, принял участие Шимон, новый первосвященник.

Ирод. Постоянные обитатели и гости царского дворца осведомлены, порою чересчур, о раздорах в моей семье. Мы с Александром обратились к императору с просьбой о помощи в разрешении распри. Слава мудрому Октавиану! Император вразумил и примирил нас.

Шимон. Ты славишь человека, я славлю Бога.

Ирод. Ты прав, Шимон. Я допустил ошибку. Исправляюсь: “С Божьей помощью достигнут мир!”

Шимон. Мир в среде народа иудейского есть цель высокая, непреходящая, извечная.

Ирод. Цель извечная? Замечание сие звучит безрадостным намеком. Позволь продолжить. Я кратко изложу суть свершившегося.

Шуламит. Перлы уст твоих монарших разобьют вражды камня!

Дорис. Красиво сказано. Мы все внемлем тебе, Ирод.

Ирод. Октавиан постановил, что сыновья должны во всем повиноваться отцу, а мне предоставлено право завещать корону кому пожелаю. Разбиты камни вражды, как говорит сестра. Вот, я обнимаю моих драгоценных чад – тебя, Антипатр, и тебя, Александр! Живите меж собою в мире, пусть каждый любит брата, и оба любите родителя вашего. Отныне я не тороплюсь называть имя будущего царя. Возможно, я разделю меж вами Иудею и обоих сделаю монархами. Пока же я назначаю вам воистину царское содержание. Я повелеваю моим приближенным отбросить ковы, выпутаться из паутины интриг и послушно следовать за мною тропею мира и благочестия. Все ли уразумели мое повеление?

Дорис. Все уразумели и счастливы исполнить.

Шуламит. Дом крепок ладом.

Ирод. Хорош настрой. Теперь я спокоен за свою судьбу. Не делающий зла, злу не подвержен. Я уехал с войною в сердце, а привез мир!

Шимон. Ты привез нам мир? А не забыл ли ты тот непреложный факт, что народ иудейский жаждет монарха подлинных царских кровей. Как бы мир сей не обернулся позором войны братоубийственной!

Глава 17

Ирод жаждал семейного согласия, однако сомнения в действенности императорского вердикта о мире не покидали душу царя. Отеческое сердце хотело любить, а не бояться сыновей, желало дружбы, а не вражды меж ними, мечтало награждать, а не карать детей.

Не осмеливаясь перечить императору, Антипатр и Александр приняли мирные условия Октавиана. Но сделали это только напоказ, а внутренне по-прежнему оставались жестокими врагами, верными каждый своей хищной цели и готовыми на любое преступление ради достижения ее. Ненависть скрывать легко, совсем не так как равнодушие.

Война между двумя непримиримо враждебными лагерями Антипатра и Александра велась частью открыто, частью исподтишка.

Глафира, жена Александра и дочь Архелая, царя Каппадокии, неутомимо насмехалась над низким происхождением сочувственников Антипатра, чем отменно раздувала огонь их вражды к приверженцам высокородного Александра.

Дорис. Я хвалю тебя, сын мой, за ловкое умение быть хорошим братом и любящим сыном.

Антипатр. Ты правильно ценишь мои таланты, матушка. Я обладаю завидным даром хранить свои мысли при себе. Я ненавижу Александра и мечтаю взойти на трон. Однако осторожностью и искусным языком я обманываю брата деланной дружбой и

ослепляю отца мнимой любовью. Все это хорошо и перспективно, не так ли?

Шуламит. Расхвастался ты, дорогой племянник. Превозносить свои таланты следует наедине с самим собой, а не перед лицом других. Помни, для нас, людей простого звания, умение таиться, молчать и лгать есть мастерство обыденное и необходимое, а не предмет высокого искусства. Лишь люди благородного происхождения, вроде Мирьям, Александра или Глафиры, имеют привилегию болтать открыто вслух.

Дорис. Эта привилегия нам на пользу. Мы с Шуламит завели верных наушников. Они честно доносят нам сказанные Александром враждебные тебе, сын, и твоему отцу слова. А ты узнаешь важные вещи от нас.

Антипатр. У меня и свои осведомители имеются в достатке. А вас, матушка и тетушка я благодарю за ценный материал.

Шуламит. Прекрасно! Все Александровы бредни, как есть, доводи до Ирода.

Антипатр. Э-э-э нет, почтенная Шуламит! Ты казалась мне умнее, зато я – умнее, чем кажусь!

Дорис. Ах, Антипатр, право! Что ты имеешь в виду? Требуется пояснение нашим женским головам.

Антипатр. Поясняю. Я прежде уж говорил вам обоим, что не мое это дело сообщать отцу не то, что ему желаемо услышать. Забыли? Я не передаю батюшке поганые речи Александра, это делают наши с вами

доброхоты. Наоборот, беседа с отцом, я высказываю сомнения в верности слухов. Но тут же невзначай добавляю слово в пользу их правдивости. Невзначай и тонко! Я защищаю брата перед лицом отца. Вот моя роль!

Дорис. Роль? И что из этого выходит, мой драгоценный лицедей?

Антипатр. Я добиваюсь от отца двух вещей – укрепляю доверие к себе и разжигаю злобу к Александру!

Шуламит. Мой братец страдает болезненной подозрительностью, денно и нощно ожидает покушения. Недаром Октавиан направил его к лекарям лечить разлитие черной желчи. Александр же категорично отрицал, что он готовит отцеубийство. А в самом деле, верна ли молва?

Антипатр. Верна молва иль ложна – всё едино! Я исподволь внушу родителю – молва верна! Мнительность родит тревогу, тревога будит страх, а страх лишает разума. Не я, но пусть отец покончит с Александром!

Дорис. Ты искусно и без оглядки служишь злу, сынок. Что думать матери – гордиться иль стыдиться?

Антипатр. Мамаша, цель у нас с тобой одна и та же, но есть различье в средствах. Скажем, ты сделалась владычицей женской половины дворца и утесняешь многих. Представь: я горжусь тобою, а вовсе не стыжусь!

Шуламит. Дорис, я надеюсь, ты признаёшь, что из любви сыновней Антипатр преувеличивает твою роль среди женщин при дворе?

Дорис. Конечно, Шуламит! Любя родительницу, сын приукрашивает. Однако я слышу, к нам приближается Глафира – хищница из Каппадокии при дворе царя Ирода!

Шуламит. Жена Александра – царская дочь. Не от того ли столь дерзкая охальница она? Но мы-то другой породы, из иной глины вылеплены. Следуя твоей науке, Антипатр, будем осторожны и искусны языком.

Глафира. Мир вам, лучшие люди Иудейского царства!

Антипатр. Мир тебе, супруга и сподручница Александра!

Глафира. Сподручница? Пожалуй. Иными словами, я супругу подмога, соответственная ему.

Дорис. Как это верно!

Глафира. В этот утренний час я рада видеть вас вместе, дорогие Антипатр и Шуламит. Как ночь совместная прошла, был ли сон ваш безмятежен и приятен?

Дорис. Антипатр, ответь, будь добр, почему Шуламит покраснела, а ты усмехнулся? Что означает вопрос Глафиры?

Глафира. Я помогу сыну твоему ответить, Дорис. Вопрос мой означает, что родство, а также разность

лет племянника и тетушки не помеха романтике любви под звездным небом Иерусалима.

Шуламит. Ах, какой пассаж! Я не нахожу слов...

Дорис. Что за ветреность такая! Антипатр, когда ты станешь благоразумнее, когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках?

Антипатр. Я чувствую себя здесь лишним. Я покидаю вас, пытливые разумом и чувством женщины.

Глафира. Ты уходишь, Антипатр? Не сердчай, я ведь не злая, я сказала при матушке, но не донесу жене!

Шуламит. Ты очень добра, Глафира. Я полагаю, тебе известно, что наша вера не возбраняет много жен, и гордый мужчина иудей во всем свободен, тем более в любви!

Глафира. О, свобода, тем более в любви, есть великое сокровище! Мой царственный свекор воспользовался ею сполна. К тому же Ирод большой ценитель прекрасного. Он под венец вел исключительно красавиц. Одна беда – жен брал себе из простых мешанок. За исключением Мирьям, мир праху ее.

Дорис. Я – мешанка? Полно, Глафира! Я первая и старшая жена царя! И для моих лет вполне хороша собой.

Глафира. Сохранила ты красоту свою или нет – к делу не идет. Нынче зов времени иной – Иудея требует царя из благородных. Супруг мой – высокородной матери сын, я же – монарха дочь. Посему мы с мужем

чета наивысшей пробы. Коли угодно будет судьбе, Александр взойдет на трон.

Шуламит. По заслугам и честь!

Глафира. Да, признаюсь, любезные, я очень хочу стать монархиней!

Дорис. Знать, будешь ты не принцессой Иерусалимской, а вольной иудейскою царицей!

Шуламит. А нам какую долю уготовишь, светлейшая?

Глафира. Вас, Шуламит и Дорис, посажу за прялки вместе с чернью, а мужских родичей ваших удалю из дворца и назначу сельскими старостами – как-никак, грамотные они!

Дорис. Худо, однако, ты собираешься обойтись с нами. А вот Ирод – другое дело. Он к нам благоволит, даже дарит платья с плеча Мирьям!

Глафира. Зря он это делает. Не царские одеяния, а власяницы вам впору напяливать!

Шуламит. Мне кажется, ты манкируешь нам!

Глафира. Истину говорю. По бабе и шлык! Впрочем, пора мне. До свидания, любезные.

Дорис. Всего наилучшего!

Шуламит. Ушла. Ненавижу ее!

Глава 18

Замышлял ли Александр отцеубийство, или это была одна из клевет Антипатра, доподлинно не известно. Однако сохранились свидетельства о том, что сын покойной Мирьям отнюдь не руководствовался соображениями высокой морали ради скорейшего наследования вождя трона.

К несчастью Александра и к радости его врагов, для Ирода не оставались тайной бесчестные поступки сына. События шли тропую, прокладываемой Антипатром.

Ирод всерьез опасался за свою жизнь и корону. Неотступно следить за Александром царь уполномочил начальника гвардии. Сей важный чиновник обязан был искать и находить возможных посягателей, расследовать, судить и карать предполагаемых преступников, или карать, не расследуя, и без суда.

Начальник гвардии. Мир тебе, Ирод. Я дожидаюсь твоих повелений.

Ирод. Мир тебе. Схвачены ли внухи?

Начальник гвардии. Мои люди арестовали всех троих, причем каждого по отдельности, и упрятали в одиночные темницы. Ни один из них не догадывается о положении двух других, и они не могут сговариваться меж собой. Полагаю, они не знают о причине ареста, как, впрочем, и я сам.

Ирод. Хвалю. Ты истинный профессионал.

Начальник гвардии. Профессионализма достигаешь в мастерстве, которым зарабатываешь на жизнь. Теперь, царь, разъясни мне дело.

Ирод. Мне донесли личные мои осведомители (не твоего ведомства люди!), что Александр подкупил евнухов дорогими подарками и сговорился с ними умертвить меня способом, сообразным службе каждого.

Начальник гвардии. Странный заговор – человека нельзя убить трижды!

Ирод. Как видно, хитрый Александр задумал действовать наверняка – мол, ни одна, так другая смерть непременно настигнет меня.

Начальник гвардии. Я жду приказа, Ирод.

Ирод. Сейчас, в этом зале, допросишь каждого в отдельности. Я спрячусь за той ширмой и стану слушать и наблюдать сквозь щель.

Начальник гвардии. Ты мне не доверяешь, Ирод?

Ирод. Говорят, доверять доверяй, да дверь покрепче запирай. Приступай, начальник.

Начальник гвардии. Охранник, введи первого евнуха.

Первый евнух. Начальник, на каком основании меня арестовали, связали и упрятали в темницу? Я пожалуюсь Ироду – он мой хозяин!

Начальник гвардии. Вопросы буду задавать я! Какую должность ты справляешь при дворе?

Первый евнух. Я виночерпий Ирода.

Начальник гвардии. В чем состоят твои обязанности?

Первый евнух. Прислуживать за царскими трапезами. Подавать напитки Ироду, его семейным и гостям.

Начальник гвардии. Какие дела у тебя с Александром?

Первый евнух. Никаких!

Начальник гвардии. Эй, палач! Помоги виночерпию ответить на вопрос.

Первый евнух. Я вспомнил. Александр подарил мне полталанта золота.

Начальник гвардии. И это все?

Первый евнух. Кажется, я провел с ним ночь!

Начальник гвардии. Что говорил тебе Александр?

Первый евнух. Слова любви.

Палач. Начальник, помочь ему?

Первый евнух. Не надо! Неожиданно кое-что всплыло в памяти. Царевич убеждал меня подсыпать яд в вино и отравить Ирода. Говорил, дескать, он взойдет на трон и наградит меня так богато, как мне и не снилось.

Начальник гвардии. А ты?

Первый евнух. Я решительно отверг преступное предложение!

Палач. Начальник?

Начальник гвардии. Не надо. Эй, охранник, уведи и запри арестованного, а сам возвращайся.

Ирод. Слыхал, начальник? Мой отец был отравлен вином, теперь мой сын готовит мне такую же участь!

Начальник гвардии. Блеск венца на чужом челе слепит глаза и разума лишает.

Охранник. Я вернулся.

Начальник гвардии. Веди сюда второго.

Второй евнух. Я с утра томлюсь в темнице. У нас правовое царство, и я требую объяснений, начальник!

Начальник гвардии. Правовое царство не разбрасывается объяснениями, но предоставляет их по требованию лишь в некоторых случаях. Вот и объясняй, кто ты таков, и чем занимаешься на службе у царя?

Второй евнух. Я царский хлебодар. Ежетрапезно я подношу Ироду любимую им выпечку, пирожные и хлеб.

Начальник гвардии. Какого характера твои сношения с Александром?

Второй евнух. Какого характера? Интимного, а что? Я с малолетства оскоплен, но и мне, как прочим, положена утеха!

Начальник гвардии. Чем расплачивался с тобою принц?

Второй евнух. Расплачивался обещаниями. Посулил надел земельный.

Начальник гвардии. И это всё?

Второй евнух. Это всё.

Палач. Начальник?

Начальник гвардии. Приступай!

Второй евнух. Нет-нет, я все скажу! Александр убеждал меня спрятать на дне корзины с хлебом ядовитую змею, которую он приготовит. Говорил, мол, Ирод погибнет от смертельного укуса, а он станет царем и исполнит посул.

Начальник гвардии. Ты дал согласие?

Второй евнух. Боже сохрани! Я верный слуга Ирода!

Начальник гвардии. Охранник, поступи с этим, как с первым, и бегом назад.

Ирод. Что делается в мире! Жажда власти рвет узы крови! Начальник, продолжай допрос!

Начальник гвардии. Охранник, третьего веда!

Третий евнух. Что смотришь на меня, начальник? Ты всего лишь чиновник при дворе, не стану отвечать на твои вопросы, я только с Иродом намерен говорить.

Начальник гвардии. Палач, за дело!

Палач. Он передумал, готов выслушать тебя.

Начальник гвардии. Говори кратко: ты кто, и каковы твои обязанности?

Третий евнух. Я постельничий. Готовлю царю ложе на ночь, сам укладываюсь неподалеку, по надобности подаю Ироду ночную вазу, воду для питья, открываю и закрываю окна, топлю печь в спальне – делаю все, что требуется монарху для спокойного сна.

Начальник гвардии. Чего добивался от тебя Александр?

Третий евнух. Он соблазнил меня, о чем я не жалею.

Начальник гвардии. Не склонял ли он тебя к какому-либо преступному деянию?

Третий евнух. Нет, конечно! Меж нами всё было чисто и благопристойно.

Начальник гвардии. Ты не уснул, палач?

Палач. Виноват, начальник. Глаза слипаются – по воле монарха всю ночь трудился. Вот, смотри, я уж исправляюсь!

Начальник гвардии. Теперь, постельничий, ты вспомнил что-нибудь?

Третий евнух. Сейчас скажу, пусть только боль утихнет.

Начальник гвардии. Говори немедленно! Ждать мне недосуг.

Третий евнух. Александр хотел, чтобы подушкой я задушил Ирода во сне. Мне он обещал пост визиря, когда усядется на трон. Предваряю твой следующий вопрос, начальник, – я решительно отверг nepотpeбное предложение, пожертвовав карьерой и любовью.

Начальник гвардии. Охранник, уведи, запрети и более не возвращайся. Палач, отправляйся спать, ты до вечера свободен.

Ирод. Мы остались одни, начальник, я покидаю свое убежище. Сейчас ты понял, как низко тучи черные спустились над моею головой?

Начальник гвардии. Еще я понял, что сын твой младший – содомит!

Ирод. Какое дело мне до этих пустяков! Пусть озаботится Глафира! Меня терзает мысль, что Александр замышляет убить меня. Зато мой старший сын мне верен до конца. Честный Антипатр!

Начальник гвардии. Я вижу – положение серьезно. Сделаю признание: твой Александр и меня пытался заманить в свою преступную когорту.

Ирод. Как именно?

Начальник гвардии. Предлагал убить тебя на охоте! Разумеется, получил достойный отпор.

Ирод. Я загнанный зверь!

Начальник гвардии. Зло не свершилось. Мы не имеем доказательств, но лишь вырванные страхом и пытками признания!

Ирод. Нет доказательств? Мне привиделось во сне, что у моей постели стоит Александр, и в руке его кинжал, и он готовится заколоть меня. Какие еще тебе нужны доказательства скорого покушения? К ночи распорядись казнить трех евнухов, а Александра немедленно арестовать и бросить в темницу. Ступай!

Начальник гвардии. Будет исполнено, царь! Я удаляюсь.

Ирод. Вот, я остался один в этом зале. Я и в жизни безнадежно одинок. Большая власть – большое одиночество, оно есть жребий выдающихся умов. Однако пока мне страшно. Александр уж подобрался к самому начальнику гвардии. Правда, тот утверждает, что дал достойный отпор преступному замыслу. Так ли это? Александр умен и не станет вербовать в союзники такого, кто не подает надежды. Велю убить начальника гвардии, как только он казнит евнухов и арестует Александра.

Глава 19

1

Тревожная весть об аресте Александра дошла до Архелая, царя Каппадокии и отца Глафиры. Крутой нрав Ирода был хорошо известен Архелая, и последний вполне допускал скорую казнь Александра, что означало бы крушение семейной жизни любимой Глафиры. Спасение дочери возможно было только через оправдание зятя. Дабы повлиять на Ирода и предотвратить надвигающуюся драму, хитроумный Архелай отправился в Иерусалим с миротворческой миссией.

Архелай. Великий владыка Иудеи, мир тебе и дому твоему!

Ирод. И тебе желаю мира, славный правитель Каппадокии.

Архелай. Я прибыл в Иерусалим, чтобы проведать тебя, поцеловать дочь, обнять зятя, поиграть с внуками. Мои подарки не разочаруют.

Ирод. Спасибо, Архелай. Ты человек чувствительный, поймешь мои горести.

Архелай. Горести? Я вижу тень печали на твоём челе. Сказать по правде, я кое-что слышал, но не стал первым заговаривать об огорчениях твоих. Захочешь – сам расскажешь.

Ирод. Непременно расскажу. Веришь ли, в семье моей слишком мало сочувствующих мне! Сестра Шуламит,

честный Антипатр, мать его Дорис – вот и все мои родичи, которых я мог бы назвать истинными друзьями. А между тем я так нуждаюсь в поддержке и совете!

Архелай. Причисли меня к своим истинным друзьям. Сейчас я обратился в слух.

Ирод. По сути своей дело выглядит просто. Александр, мой младший сын, твой зять, отец твоих и моих внуков – изменник.

Архелай. Неужели? Какое несчастье! И есть свидетельства тому?

Ирод. Их слишком много, чтоб сомневаться!

Архелай. Говорят, кому попался хороший зять, тот приобрел сына, а кому дурной – тот потерял дочь. Что натворил Александр?

Ирод. Так, пустяк! Всего лишь составил заговор убить меня и самому надеть корону.

Архелай. Твоя жизнь в опасности?

Ирод. Боюсь, что да. Я заковал Александра в кандалы и упрятал в темницу. Теперь сам-то он не опасен мне. Однако Александр лишь голова дракона, но у чудовища есть когти – сеть заговорщиков разветвлена, и небеса почернели над моею головой.

Архелай. Ты видишь средство рассеять тучи? Что предпринимаешь?

Ирод. Я не сижу сиднем, действую. Повсюду рыщут мои агенты. Разведывают, докладывают, изобличают. Я отбросил пустейшие расследования и суды. Пытаю и казню – палач мой трудится не покладая рук. Но на душе тяжелая тревога, а сердце беспокойно днями и трепещет по ночам!

Архелай. Ирод, скорее говори, в какой тюрьме пребывает мой преступный зять? Укажи дорогу. Я собственными руками размозжу голову отцеубийцы!

Ирод. И оставишь Глафиру вдовой?

Архелай. Ни в коем случае! Я и ее хладнокровно убью, ибо она обещана брачным союзом с негодяем Александром! Давно ли ты осведомлен о злоумышлении против тебя?

Ирод. Давно, Архелай. Немало времени утекло, как сам Октавиан разбирал наше дело и споспешествовал примирению, да, видно, башня мира была выстроена на песке. Не обуздал Александр вожделения свои. Моя вина – медлительность: распознавать и гасить дурные желания чада следует в зародыше.

Архелай. Дивлюсь твоему долготерпению. Над головою твоей занесен меч заговора, а главный преступник все еще не казнен! Драгоценная жизнь монарха не принадлежит исключительно ему одному – она достояние всего государства и его подданных. Наше дело царское, Ирод!

Ирод. Наше дело царское, но ведь наше дело и отцовское тоже!

Архелай. Ты слишком мягкосердечен и чересчур подчиняешься родительскому чувству. Я сержусь на тебя за нерасторопность. Давай поменяемся судьейскими обязанностями, и пусть каждый проникнется негодованием другого!

Ирод. Поясни!

Архелай. Дозволь мне предать смерти Александра и Глафиру, а сам гневись на меня! Так предотвратим зло большое ценою зла малого!

Ирод. Ах, Архелай! Движения твоей души чужды корысти и расчета. Ты полон любви и участия. Я безгранично доверяю тебе, и жаль, что искренние предложения твои в реальности неисполнимы.

Архелай. Пусть неисполнимы! Давай искать реалистичные пути! Я рвусь помочь тебе. Поделись со мною известными тебе обстоятельствами заговора – вдруг что-нибудь дельное на ум придет мне!

Ирод. К несчастью, одним из заговорщиков оказался мой брат Ферор. Он старше Александра, и, кто знает, не он ли совратил мне сына?

Архелай. Зрелый Ферор? Где он сейчас?

Ирод. Он арестован мною.

Архелай. Я встречу с ним, коли ты не против.

Чутье подсказало Архелаю, что Ферор, брат Ирода и дядя Александра, сообщит нечто такое, что поможет в осуществлении миссии спасения. С разрешения Ирода, гость отправился на переговоры с Ферором.

Архелай. Мне горестно видеть тебя, Ферор, томящегося в застенке. Помнится, ты знавал лучшие дни. Как вышло, что ты, богач и господин, очутился в столь жалком положении?

Ферор. Я и сейчас весьма богат и властен. Но пал под подозренье брата. Безумный Ирод верит клевете и диким бредням, будто я в сговоре с Александром вознамерился совершить цареубийство.

Архелай. Ферор, доверься мне – не пожалеешь. Я имею цель серьезную – спасти дочь и зятя. И тебе попутно выйдет польза.

Ферор. Не исключаю.

Архелай. О каких бреднях ты говоришь?

Ферор. Коварный Александр настроил в тюрьме лживый опус, и подкупленные пособники подбросили пасквиль Ироду.

Архелай. И что же поразило царя в сыновнем сочинительстве?

Ферор. Придавленный тяжестью улик, Александр задумал взять с собой в могилу людей невинных. Он

объявил меня вдохновителем крамолы, якобы подстрекнувшим его на преступление.

Архелай. Ирод не столь уж простодушен, он не поверил бы беспричинным вымыслам, и ты бы не томился в застенке, расправы ожидая. Должно быть, писанина Александра не вполне пуста. Откройся не судьбе, а мне – я твой невольный друг.

Ферор. Я не виновен, и нечего мне открывать. Интриганы при дворе Ирода и раньше возводили на меня клевету в намерении убить брата. Моя безвинность была доказана, но в нездоровой памяти царя засела заноза. Вот и поверил он жалкому пасквилю.

Архелай. Внемли моим словам, Ферор. Признайся Ироду в намерении убийства и раскайся, а я сумею использовать покаяние для твоего избавления и для своей цели.

Ферор. Оговорить себя? В своем ли ты уме, Архелай?

Архелай. Повторяю тебе, Ферор неразумный – я имею план всеобщего спасения. Не упрячься. Пораскинь умом – сейчас ты обречен, зато я даю тебе надежду. Не прозевай счастливый случай свой.

3

Уповая на горячие родственные чувства Ирода и на свою неизменную дипломатическую смекалку, царь Каппадокии приступил ко второй части беседы с царем Иудеи и добился впечатляющего успеха.

Архелай. Ирод, я повстречался с Ферором и вел с ним долгий разговор по душам. Меня изумила прозорливость твоего ума. Ты словно в воду глядел: ведь это заматерелый Ферор совратил к дурному делу молодого Александра!

Ирод. Да, я и впрямь наделен даром распознавать причины вещей сквозь туман лжи. Но пронизательность моя более не радует меня, ибо что в этом толку – ведь заговор-то существует! Убитой жертве безразлично, чей рукою подмешан яд, иль пущена стрела.

Архелай. Обожди, Ирод, есть важные нюансы.

Ирод. Говори! Доверяю тебе как никому!

Архелай. Во-первых, вина Александра хоть и огромна, но все же она есть результат воздействия внешнего зла.

Ирод. Допустим. Что следует из этого?

Архелай. А то и следует, что зло, коли оно не собственного сердца порожденье, а плод внушения извне, то оно преодолимо и смягченной кары требует.

Ирод. Предположим. Продолжай.

Архелай. Вникни в дело. Александр молод, а легкомысленная молодость восприимчива – к дурному в том числе. Ведь даже зрелый муж может поддаться обману, не так ли, Ирод?

Ирод. Ты прав. Соблазн греха не делает в годах различья. Однако, что во-вторых?

Архелай. А во-вторых, и это великое тебе утешение, Ирод, что покаялся Ферор, и я привел его сюда, и он здесь, под охраной сидит за дверью и дожидается твоей милости. Прими его и выслушай!

Ирод. Охрана! Введите Ферора!

Ферор. Добросердечный брат мой! Я грешен пред тобою. Помилуй и прости!

Ирод. Встань с колен, Ферор. Утри слезы. Я не уверен, что искренни они.

Ферор. Искреннее быть не может! Ослушаюсь тебя и не поднимусь от ног твоих. Я слишком виноват, чтобы стоять с тобою вровень.

Ирод. Говори толком!

Архелай. К делу, Ферор!

Ферор. Я дважды каюсь: я задумал братоубийство и втянул Александра. К счастью, заговор не удался, но, увы, преуспело наущение. Взываю к милосердию твоему! Прости, Ирод, не казни меня и жизнь Александру сохрани!

Ирод. Добрая душа брата и отца откликнется на признание вины и покаяние. Решение мое узнаешь позднее. Эй, стража – верните Ферора в темницу!

Архелай. Ирод, гнев твой на Ферора мне знаком до боли. Я, как и ты, претерпел множество обид от нерадивого брата своего. Но я заглушил призывы сердца к мести и покорился голосу природы – простил родную кровь.

Ирод. Последую твоему примеру.

Архелай. И поступишь мудро. Не срезать, но лечить умеренными средствами следует вредные наросты на душе.

Ирод. Но Александр! Истинная боль моя! То не нарост, то рана на душе. Сын занимает в сердце неизмеримо больше места, чем брат.

Архелай. Как это верно! Сын – семя отцово, и потому с наследника высочайший спрос. Его так просто не простишь, но и казнить нельзя.

Ирод. Как поступить мне с Александром? Посоветуй, Архелай.

Архелай. Я б наказал его сурово, но не крайне. Как – на то твоя родительская воля. Я же намерен забрать Глафиру с собой. Разлучённые, пусть он и она страдают – оба заслужили!

Ирод. Допустим, я покараю Александра, но гуманно ли отрывать Глафиру от детей их общих?

Архелай. Да, пожалуй это слишком. Что ж, я оставлю Глафиру в Иерусалиме. Даю тебе право выдать ее за кого пожелаешь – и малолетки будут при ней. Главное – Александр должен терпеть за свое легкомыслие.

Ирод. Ах, Архелай! Терзается мое отцовское сердце! Ведь у Глафиры с Александром милые птенцы, и мне страшно разбивать семью.

Архелай. Есть резон в твоих словах.

Ирод. Подумай, ведь Александр виноват всего лишь по наущению. Лишить его жены, детей – и он, сохрани Господь, вернется на стезю греха.

Архелай. Не знаю, право. Ведь оба, и Александр, и Глафира виноваты! Оставить черное дело без наказания?

Ирод. Только не расторгай брака, Архелай, а я уж как подарок приму Александра из рук твоих, дабы помиловать его! Даст Бог, и все устроится!

Архелай. Будь по-твоему. Я соглашаюсь не в согласии с самим собой.

Ирод помиловал Александра и вернул его Глафире. Семья была спасена. Гость унял вражду Ирода к Александру. Однажды это удалось Октавиану, теперь – Архелаяю.

Осчастливленный Ирод устроил пир в честь миротворца Архелая и одарил его знатными подарками: тут и семьдесят талантов золота, и усыпанный драгоценными камнями трон, и два молодых раба, и прелестная наложница. Да и свита царя Каппадокии была щедро наделена – всякий по достоинству своему. Ирод и придворные с великим почетом проводили гостя в обратный путь.

Глава 20

Война в семействе царя Иудеи явила собою простую вещь: добрая воля лишь одной из замиряющихся сторон есть слишком слабый цемент для надежного скрепления камней мирного чертога.

Некий спартанец Эврикл, желая извлечь для себя выгоду из бедствий царского дома, пробрался в доверие к Ироду, к Антипатру и к Александру. Он притворился другом всем троим. А чтобы выглядеть естественным нужно уметь притворяться, и никто не помешает лицедею носить под одной маской другую. Эврикл говорил каждому только то, что тот хотел слышать. Разжигая огонь вражды, спартанец передавал мнимым друзьям правду и ложь – смотря по обстоятельствам.

Ирод услышал из уст Эврикла, будто Александр готов принять казнь, принося себя в жертву во искупление смерти матери Мирьям и прадеда Гиркана. В другой раз спартанец доложил царю, якобы сын приготовился убить отца, а свершив сие, намерен отправиться в Рим и молить императора о милости – признать убийство справедливым, ибо преступный Ирод вконец разорил Иудею и творит неслыханные жестокости в стране.

Как говорилось прежде, мы не можем судить об истинных поползновениях Александра, но знаем доподлинно, что интриганство Эврикла имело успех, и Ирод опять заключил мятежного сына под стражу.

Спартанец, раскрывший царю Иудеи злоумышления Александра, получил весомую благодарность монарха за выказанное рвение. Ирод назвал Эврикла своим

благодетелем и спасителем и наградил пятьюдесятью талантами золота.

Вновь прибегая к помощи императора, Ирод написал ему письмо с просьбой решить, как поступить с сыном, задумавшим отцеубийство. Император посоветовал царю Иудеи обсудить дело с членами семьи и близкими царедворцами, а затем последовать воле большинства. Как и следовало ожидать, Ирод принял совет владыки. Однако стремительное развитие событий помешало вмешательству общественного мнения.

Ирод. Кровники, семейные, друзья! Я обращаюсь к вам как царь и как отец в одном лице. Я уповаю на ваш мудрый суд и поступлю по вашему слову, ибо такова воля императора.

Шуламит. Толком говори, Ирод! Ты сказал много и ничего!

Ирод. Я слишком взволнован для гладкой речи. Суть дела в разладе с младшим моим сыном Александром. Должно быть, вам известно, что упомянутый задумал отцеубийство, составил заговор против меня и разработал план преступления.

Идо. Чтобы судить необходимо знание фактов. Мы удостоимся услышать улики?

Ирод. Улики имеются в изобилии. Их так много, и они столь беспорны и тяжелы, что муки сомнений не грозят никому.

Ферор. Уклончив твой ответ, брат.

Ирод. Я большей скромности ожидаю от тебя, помилованный мною Ферор!

Пнина. Я не связана твоею милостью. Мне ответь на вопрос Идо!

Ирод. Есть у меня ответ на вопрос Идо – всему свое время. Пока скажу во всеуслышание – нестерпимо родителю слышать от собственного сына поношение отцовского имени, насмешки, оскорбления.

Дорис. Говори, Ирод, что у тебя на сердце!

Элия. Прежде, чем начнешь, отец, ответь, почему нет здесь братьев моих – Александра и Антипатра? Разве слово защиты первого и мнение второго не важны для непредвзятости наших суждений?

Ирод. Я полагаю, вопрос сей созрел во многих головах. Отвечу всем и тебе, мой славный робкий сын. Александра я не предъявил собранию, ибо он чрезмерно наделен талантом притворщика, слезами разжалобит сердца, и этим может повредить нелицеприятию суда. А что до честного Антипатра, то он слишком любит брата и отца, чтобы свидетельствовать беспристрастно.

Ферор. Где Александр обретается сейчас?

Ирод. Я арестовал его, он пребывает в тюрьме, в надежном месте. Не стану разглашать в каком.

Шуламит. Объясни, с чего же началась твоя с сыном вражда? Ни я, ни Дорис, ни многие другие не знают этого.

Дорис. Мы и впрямь недоумеваем. Казалось бы, ты наделил Александра огромным богатством, обещал власть и корону – и неужели положена тебе такая черная неблагодарность? Не ошибаешься ли ты?

Ирод. Нет, не ошибаюсь. Моя монаршая забота – благо Иудеи и иудеев. Народ мой желает видеть на троне человека царского происхождения. Таков Александр – сын благородной Мирьям, правнук родовитого Гиркана. Следуя воле единоверцев моих, я поначалу завещал корону Александру, хотя Антипатр, как старший сын, имеет больше прав на эту честь. Дорис и Шуламит, не в обиду вам сказано будет, но Антипатр, как и мать его, и род отца его – происхождения простого. К счастью, мой первенец мудро признал интерес государственный выше эгоистического честолюбия и со смирением принял волю мою.

Идо. Так отчего же бунтует Александр? Ведь ты ему назначил венец царя!

Ирод. Честолюбцу сему не терпится усесться на трон. Не хочет ждать Александр естественного хода вещей и потому задумал лишить меня жизни. Не о народе думы его, но о собственном величии!

Пнина. Чего ты ждешь от нашего собрания, Ирод?

Ирод. Александр хочет моей смерти. Вы, родичи, должны помочь мне принять решение – казнить его или назначить ему какую иную кару.

Ферор. Положим, ты убьешь сына. Сойдут ли мир и спокойствие в душу твою?

Ирод. Вопрос сей терзает отца. Убить чадо – убить себя! Победа над детьми есть горькая победа. Вихрь и гром в душе моей. Бедствия сжимают голову седую. Я жертва воли злой, что реет надо мною. Готов был сыну царство подарить, не жизнь! В сердце преступника змея свернулась и ждет часа своего. За что мне это? Я не так перед другими грешен, как другие!

Элия. Отец, ты заговорил почти стихами! О, как мне жаль тебя. Догадываюсь, должно быть, страшно тебе на что-либо решиться! Подсказка нашего собрания не оградит совесть твою, не уничтожит страх твой.

Ирод. Элия, ты лучше всех понимаешь отца, взор твой до дна души моей проникает!

Идо. Какая перемена в тебе, царь Иудеи! Испуган, замучен, потерян! Помнится, строили мы с тобою страну – другой ты был: сам смелый творец, и мой дух будоражил.

Ирод. Помню, мой друг. Дай тебе Бог наследника по замыслу твоему.

Пнина. И все же, Ирод, убеди нас в злоумышлении Александра.

Ирод. Благонамеренный Эврикл разведал для меня замысел смутьянов. Александр взял себе в сообщники двух бывших кавалерийских офицеров, уволенных мною за нерадение по службе. Убив меня, заговорщики собирались сначала укрыться в крепости, затем вооружить сотни недовольных, захватить дворец и короновать Александра. Начальник крепостного гарнизона был подкуплен. Эврикл выкрал и представил мне написанный рукою сына план переворота в Иудее. Офицеров я арестовал, пытал, они признались, рассчитывая избежать смерти, но я казнил их.

Ферор. Судья с холодной головой знает, когда можно доверять недостаточным уликам. А что если план написан не рукою Александра, а всего лишь подделка кого-либо из его врагов?

Шуламит. Нелепое предположение, не заслуживает внимания.

Дорис. Тихо! Я слышу шум за окнами. Кто так кричит? Кажется, это Терон, твой, Ирод, старый служака!

Ирод. Стража! Доставить сюда уличного горлодера!

Терон. Остановись, безумный Ирод! Неужто станешь ты сыноубийцей? Кому ты веришь? коварной Шуламит? Лукавой Дорис? Алчному Эвриклу? Гнусному Антипатру? Ему ты хочешь завещать корону, казнив благородного Александра? Знай же, Ирод, священничество, люди простой веры, честные иудеи – все ненавидят Антипатра! Если приведешь его

на трон, взбунтуется Иудея, сгорит, погибнет в братской войне!

Ирод. Всем немедленно покинуть дворец!

Шуламит. Уходим, Ирод!

Ирод. Стража! Вяжите Терона, и в подвал его! Работа палачу. Под пытками пусть назовет имена ненавистников Антипатра и моих. Всех названных хватать, пытать, казнить! Терона отдать черни на побиение камнями!

Стражник. Цирюльник рвется к тебе, царь!

Ирод. Впусти!

Цирюльник. Я с донесением на Александра!

Ирод. Говори, что знаешь!

Цирюльник. Как-то раз Александр сказал мне: “Когда будешь стричь Ирода, полосни бритвой по горлу его, и щедро расплачусь с тобою!” Но я не предал тебя, мой царь!

Ирод. Александр как-то раз сказал тебе? А почему не донес мне сразу, мерзавец алчный? Всё думал, кто больше даст – отец иль сын? Стражник! Цирюльника немедленно связать и вместе с Тероном бросить черни на растерзание!

Стражник. Готово, повелитель!

Ирод. Теперь доставь мне нового начальника гвардии!

Начальник гвардии. Жду приказаний, мой господин!

Ирод. Отправляйся со своими людьми в тюрьму к Александру. Утром доложишь, что негодяй задушен!

Глава 21

Ирод распорядился устроить могилу Александра рядом с гробницей Мирьям. Казненные мужем и отцом жена и сын покоились рядом.

Казалось, главная преграда на пути Антипатра к трону была устранена, и лагерь невысокородных царедворцев мог праздновать победу. Однако чуткая душа Антипатра не испытывала полного довольства. Ему казалось, что отец тайно скорбит об Александре, - ведь раскаялся же Ирод, казнив Мирьям! В нежных сердцах Шуламит и Дорис тоже тлел огонек сомнения о близости счастья.

Вскоре брат царя Ферор умер, убитый ядом. Заурядное дворцовое событие ниспровергло дух монарха в пропасть черной меланхолии. “А не задумал ли кто и меня самого отравить?” – терзался Ирод. Его старческие болезни делали успехи и тем усугубляли душевный расстрой.

Нежная забота Ирода об осиротевших детях Александра сводила Антипатра с ума.

1

Ирод. Свершилось великое и непоправимое. Я, отец, убил собственного сына. Переломил меч, нависший

над моею шеей, а теперь трубит голос крови и буравит слух – а был ли меч?

Антипатр. Ты мучишься, отец. Я с тобою. Сострадаю тебе, и брата мне жаль!

Шуламит. Мне показалось, Ирод, ты косо взглянул на Антипатра.

Дорис. А мне, Ирод, померещилась искорка недоверия во взгляде на первенца нашего.

Ирод. Вам все кажется да мерещится. Бабы! А я вот принимаю решения, опираясь только на бесспорные факты. Потому и казнил негодного изменника. И не гляжу я косо на Антипатра и взгляд мой полон доверия к нему. Позволь, Антипатр, обнять тебя. Мой старший сын!

Антипатр. Благодарю, отец! Вот, я возвращаю тебе объятие.

Шуламит. Я лишилась племянника. И голос крови хоть и не трубит, но все же различаю я его в стоустром хоре значимых голосов.

Дорис. Мне нравится твоя прямота, Шуламит. Я тоже буду откровенна. Я мало огорчена, но рада много. Теперь естественным претендентом на корону становится мой сын. Ирод, это ведь наш с тобою отпрыск!

Антипатр. Я разделяю твои чувства, мать. Уж седина в бороду ударила – позиция нужна мне! Пора!

Ирод. Образцовый сын: сострадает отцу и разделяет чувства матери!

Шуламит. По-моему, прав племянник.

Дорис. Почуяла насмешку в твоих, муженек, словах.

Ирод. По-моему, почуяла, кажется, мерещится – все та же песня!

Антипатр. Велика моя печаль, но все же есть мера ей, а скорбь царя нашего безмерна. Ведь горе утраты сына во сто крат пронзительней кручины от потери брата.

Ирод. О, ты прав, Антипатр! Кому, как не мне, понятна правота твоя!

Дорис. Все знают, Ирод, что брат твой Ферор беспричинно заболел и слишком скоро скончался. Мы хоронили Ферора да сидели на полу семь дней траура, а ведь ты проводил дни и ночи у постели больного. Должно быть, тебе известно нечто, что скрыто от нас.

Шуламит. Уж не насильственной ли смертью умер Ферор?

Антипатр. Не может быть такого! В целом свете не найдется злодея, способного чинить насилие над кротким братом кроткого монарха!

Ирод. Может быть такое, и нашелся злодей, и не в далеком далеке, а в нашей Иудее! Знаю от лекарей – Ферор был отравлен.

Дорис. Грозен враг за горами, а грозней за плечами.

Шуламит. Кто этот враг?

Ирод. Не нашел пока. Гвардия ищет, охрана берет под стражу подозреваемых, палачи пытаются и казнят.

Антипатр. Только бы невинные не пострадали!

Ирод. Готовящийся возглавить государство – забудь о сантиментах! Если среди тысячи есть один преступник, и ты не знаешь кто он – карай всю тысячу! Власть менее грешна, когда губит невинных, нежели упускает виновного!

Шуламит. Так, значит, смерть Ферора – твое второе горе?

Ирод. Не так гибель брата докучает, как страх за самого себя! Вдруг судьбе угодно уничтожить всё наше семя? Отец мой был отравлен, теперь брат той же смертью умер, в последнюю минуту остановил я преступную руку сына. Ведь это грозное предупреждение! Не пришло мне время умирать, хочу жить и царствовать!

Дорис. Сумеешь умиловить судьбу?

Ирод. Думаю и действую. Внуки от Александра – вот нынче моя забота. Дам этим детям все лучшее. Молю Бога, чтоб Он глядел на сироток более милосердным оком, чем на их покойного отца!”

Шуламит. Ты слышишь, Антипатр? Гуманный Ирод заботится о детях безвременно ушедшего Александра. Когда наденешь царскую корону, продолжишь

творить благодеяния, и воочию увидят люди, что новый монарх унаследовал не только трон родителя, но и широту души его. И народ полюбит тебя!

Дорис. Ах, кабы полюбил! А вот я слыхала, что Антипатр не мил священничеству и народу, ибо иудеи желают видеть на троне продолжателя рода Гиркана и Мирьям.

Антипатр. Отец, душа моя в тревоге пребывает – как пробудить народную любовь? Шуламит дала рецепт, ты дай мне свой!

Ирод. Запомни, Антипатр: цвет у любви народной – цвет золота. То бишь, не скупясь, корми, одевай, весели, награждай. Так завоюешь сердца и прочность трона.

Антипатр. Обделенных, однако, не миновать.

Ирод. Верно, обделенных не минуешь. Зато узнаешь, кто твои враги, и в этом знании большая польза. Чьей любви не купил – те пусть тебя боятся!

Дорис. Я думаю, сынок, завоевание сердец следует начинать немедленно!

Антипатр. Я так и поступаю, матушка. Я давеча отпустил на волю одного из рабов своих. Человек сей неизменно выказывал мне свою преданность, служил исправно, а я доверял ему во всем. Теперь он свободен, и, я уверен, он распространит в народе благое мнение обо мне. Вот первый шаг мой, за ним последуют другие.

Шуламит. Замечательно, племянник! Ты и впрямь унаследовал от Ирода широту души!

Антипатр. Отец, я не только широтою, но и прямоотою души удался в тебя. Льстить легко, а прямота многого стоит. Поэтому спрошу без обиняков – твоя нежная забота о детях Александра не потянет ли за собою ущемление моей будущей царской власти?

Дорис. Отчего помрачнел ты ликом, Ирод?

Шуламит. Отчего не отвечаешь сыну? Или слишком прям вопрос?

Ирод. Право монарха – решать самому, давать ли отчет и давать ли ответ.

Антипатр. Батюшка, я не хотел тебя сердить, поверь!

Ирод. Антипатр! Я назначаю тебя наследником трона. Завтра же ты отправишься в Рим с моим письмом к императору, ибо только в его власти утвердить завещание. Вот мой ответ тебе.

Антипатр. Благодарю, отец.

Ирод. Встань с колен, Антипатр, довольно! А теперь я прошу всех оставить меня одного. Я уже стар, устал.

Антипатр. Уходим!

Ирод. Все ушли. Я остался наедине с моими мыслями, сомнениями и горестями. Антипатр ненавидит детей Александра, сирот. Плохой знак. Уж не задумал ли

причинить им зло? Мое расположение к нему пошатнулось. Он отпустил на волю своего верного раба, которому доверял во всем. Случается, благодетельствованный ненавидит благодетеля и мстит ему за добро. Попробую использовать сие, покуда Антипатр будет обретаться в Риме.

2

С немалой пользой для себя Ирод обменялся мыслями с вольноотпущенником Антипатра. К вящему своему ужасу, царь Иудеи узнал от любезного собеседника потрясающие вещи.

Ирод. Садись напротив меня, вольноотпущенник, потолкуем о том, о сем.

Вольноотпущенник. В жизни своей не думал, что случится мне говорить с самим царем на равных.

Ирод. Я хоть и монарх, а человек простой, и род веду свой от людей простых. Уверен, знаешь ты, что невысокородность моя – лыко в строку мне.

Вольноотпущенник. Слышал такое, но значение сему не придаю. Ты царь правильный, народный, коли, не брезгуя и не гордясь, запросто с рабом вчерашним беседу ведешь. А все же скажи, Ирод, зачем я понадобился?

Ирод. Любимый сын мой, честный Антипатр, много рассказывал о тебе – похвалами осыпал. За верность он отпустил тебя на волю. Ох, не всякий раб достаивается такой награды от хозяина! Сыну моему старшему предстоит стать царем после моей кончины.

Я хочу передать ему вместе с венцом мои великие человеческие достоинства. Дабы удалось это, я должен глубже проникнуть душу наследника. Вот, скажем, он даровал тебе свободу – а какое рассуждение привело его к сему? Ведь он говорил с тобой об этом, не так ли? Своим рассказом ты мне поможешь. Для начала поведай о себе, как в рабство к Антипатру угодил?

Вольноотпущенник. Стал я рабом у Антипатра, потому как долг не вернул к сроку. По уговору мне надлежало мозолить руки семь лет. Трудился я на совесть. Антипатр же не оставляет без достойного воздаяния честную работу – вот и наградил он меня еще шестью годами доброго труда – в точности, как случилось у Лавана с Яковом. А уж потом-то отпустил на волю, за что я ему премного благодарен.

Ирод. Справедливый сын мой за добро добром воздает. Честь ему и хвала. А правду говорят, мол, люди храма, раввины, чернь – не хотят, чтоб в Иудее царствовал Антипатр, потому как простолюдин он?

Вольноотпущенник. Правду говорят. Но не только за незнатность не хотят его, но и худое о нем сочиняют.

Ирод. Вот злые языки! Неужто можно сочинить нечто правдоподобно худое о столь честном человеке?

Вольноотпущенник. Выходит, что можно. Клеветают, и с большим удовольствием. Боюсь даже и произносить такое: еще решишь, что это моя придумка!

Ирод. Да ни в коем разе! Говори смелее!

Вольноотпущенник. Друзья казненного тобою сына болтают, будто Антипатр нанимал продажных писцов, и они подделывали руку Александра. А в пергаментах тех говорилось, как умертвить тебя, Ирод! Да кто ж поверит в такую несусазицу?

Ирод. Уж не мы с тобой – два благоразумных человека! А сам ты эти опусы видал?

Вольноотпущенник. Конечно! Как узнали Александровы радетели, что ты меня на беседу призываешь, всучили мне сии фальшивки, дабы я тебе показал.

Ирод. Оставь, я позже посмотрю.

Вольноотпущенник. И это не всё, царь! Вот еще одна обманная писулька – Антипатр обещает награду некоему душегубцу за смерть твою. Лиходей убьет тебя, а к Антипатру пятно не пристанет, потому как он пребывает в Риме!

Ирод. Оставь и это. Я изучу. Благодарю тебя, вольноотпущенник! Сейчас покинь меня. Начальнику гвардии скажи, мол, Ирод распорядился принять тебя гвардейцем. Отныне будешь при дворе служить.

Вольноотпущенник. Благодарствую, великий царь. Я ухожу.

Ирод. Подделка или подлинник? Фальшивый документ иль настоящий? Не важно это для отца, которому младший сын готовил гибель, и мысли старшего – о том же! Коварный Антипатр! Он

скрытнее, хитрее Александра, и потому опаснее. Фальшивое никогда не бывает прочным.

Глава 22

Николай, придворный дипломат и историк, изучил пергаменты, переданные царю вольноотпущенником, и произвел расследование. К несчастью, худшие подозрения Ирода против Антипатра подтвердились.

Царь принял решение судить сына. Результат суда должен был определить участь Антипатра.

Возвращавшийся из столицы империи наследник ничего не знал об ожидавшей его катастрофе.

Антипатр. Мир тебе, отец. Я вернулся. Прекрасна столица, а родина милее. Говорят же в Риме, мол, родная земля влечет к себе человека, пленяя его невыразимой сладостью, и сердце отдыхает!

Ирод. Не положен тебе отдых с дороги, Антипатр! Проходи в тронный зал, люди собрались и ждут.

Антипатр. Я не нуждаюсь в передышке, отец. Я свеж и бодр. Отдых утомляет, а утомление отвлекает от радости. Как приятно видеть собравшихся приветствовать меня!

Ирод. Сегодня не будет место пустословию!

Антипатр. Позволь прежде обнять тебя искренним сыновним объятием!

Ирод. Руки прочь! Ты разоблачен! Суд над тобою в сборе.

Антипатр. Что это значит? Ты здоров, отец?

Ирод. Я болен, слишком болен. При смерти душа!

Антипатр. Я ничего не понимаю!

Ирод. Чего не понимаешь – то вскорости поймешь!

Николай. Слушай внимательно, Антипатр! Твой вольноотпущенник передал нашему царю пергаменты, из которых следовало, что ты подкупал писцов, дабы выставить преступником брата Александра и нанял убийцу собственного отца.

Антипатр. Боже мой, какая клевета! Вот плата бывшего раба!

Ирод. То благодарность тебе за лишних шесть лет рабства! На колени, негодяй!

Николай. Ирод обязал меня разобрать дело. Я выяснил, что не только эти, но и другие преступления обременили совесть твою, Антипатр. Ты отравил Ферора, замышлял убийство Шуламит, строил планы умерщвления Александра, лжесвидетелям платил за доносы, нанимал лиходеев, лишавших жизни смельчаков истины, и так далее, и так далее, и так далее.

Начальник гвардии. Николай разоблачил приспешников, вольноотпущенник ткнул пальцем на

подельщиков. Мне оставалось выловить всю нечисть и отдать в руки палача.

Старший палач. Мои бойцы работу знают. Помогли признаться всем. Мы вдвоем с Иродом подвергали виновных казни. Царь хоть и стар, но тверд рукою.

Антипатр. Родитель, опомнись! Ты доверяешь вырванным пытками свидетельствам! Зачем поддался вражеской молве? Я запросто опровергну все клеветы. Не повредился ли ты умом, отец?

Ирод. Ты мне дерзишь? Палач, заковать Антипатра в кандалы, швырнуть на землю, и пусть лежит у ног моих!

Старший палач. Готово, царь!

Ирод. Мы выслушали Николая, начальника гвардии и старшего палача. Вина злодея доказана ими с полной очевидностью и в подробностях. Лицемерные опровержения Антипатра нам не нужны. И лишь из почтения к законам имперского суда мы дадим слово преступнику. Возможно, последнее слово.

Идо. Царь Иудеи! Скажи, что на душе у тебя!

Ирод. Горечь!

Элия. Отец, в несчастье твоем ты не одинок, поверь. Выплачь близким горе, дай нам надежду помочь тебе.

Ирод. Роковыми ошибками своими я заслужил мою судьбу. Не только слава, но и жалость мне причитается. Я воспитал сынов-отцеубийц –

Александра и Антипатра. Только ты, Элия, утеха старого сердца моего. Как жаль, что ты не создан для трона!

Идо. Чем Антипатр хуже Александра?

Ирод. Против преступных замыслов Александра я не имел столь очевидных улик, каковые есть у меня против Антипатра. К тому же фальшивки старшего будят сомнения в злонамерениях младшего. Ах, как доверял я Антипатру – как самому себе! Я думал дней остаток провести с ним. Недальновидность взимает страшную плату.

Николай. Страшная плата за страшное преступление. Если есть тебе утешение, Ирод, то это покаранное зло.

Начальник гвардии. Настал черед карать источник зла.

Старший палач. Извольте, я тут и всегда готов служить добру.

Ирод. Моя старость была в тягость Антипатру. Это чудовище не мыслило, как иначе сделаться царем, кроме как через отцеубийство. Пусть, однако, никто из жаждущих моей крови не избегнет кары!

Элия. Твоя решимость, отец, восхищает и пугает!

Ирод. Моя решимость отнимает у меня последние силы души. Я хотел любить, а не казнить. Что за пакость сотворил я? Лишь себя заставил плакать! Но, нет, не плачьте, вы, старческие глупые глаза, а то я вырву вас и брошу наземь! Я, славный царь Иудеи, не могу позволить себе слабость.

Элия. Отец, ты вновь заговорил почти стихами, как тогда, ты помнишь? Изобличая Александра?

Ирод. Как видно, тонкий аромат красоты смягчает зловоние душевных ран.

Николай. Монарх, у ног твоих лежит преступный Антипатр. Дай ему слово.

Ирод. Говори, Антипатр!

Антипатр. Батюшка, я всю жизнь был тебе верным стражником – как мог я стать отцеубийцей? Моя сыновняя любовь – не ложь, не лицемерие, но искреннее чувство, которое враги извратили, испачкали, осветили ложным светом.

Ирод. Как я и думал – трескотня, суесловие, обман!

Антипатр. Отец, дав мне слово, ты не дал его! Не хочешь знать моих резонов, тебе нужны только твои. Все пергаменты – фальшивы, все вырванные пытками признания – ложь. Оклеветанного молвой, ты швырнул меня к ногам своим!

Ирод. Упорное бездоказательное запирательство!

Антипатр. Моя участь решена до суда. Не казни меня легкой смертью. Ведь я отцеубийца! Мучь, истязай, кровь цеди по капле – палачеству, как привык!

Ирод. Он глумится! Стражник! В подвал его!

Идо. Антипатру не откажешь в присутствии духа.

Ирод. Палач, ко мне!

Старший палач. Я пред тобою, царь!

Ирод. Ты помнишь ли, что я приказал тебе, отправляя к Александру?

Старший палач. Помню, царь. Я понял, чего ты ждешь.

Ирод. Действуй!

Элия. Как быстро все свершилось!

Ирод. Эй, писец! Переписывай завещание. Отныне – Элия мой наследник!

Глава 23

1

В пятницу, ранним утром, когда дворцовые слуги уже поднялись, и началась подготовка к встрече субботы, Ирод стоял у окна и предавался мрачным размышлениям. Он опирался на непривычную рукам клюку. Старость. Болезни. Скорая смерть.

Казнены Александр и Антипатр. Наследником назначен Элия. “Да разве годится хрупкая его душа держать железной хваткой жестоковыйный народ сей, не дать пожрать себя страшной этой земле? Не Элия должен править, а им нужно править!” – говорил себе Ирод.

“Я объявил Элию преемником трона, - продолжал рассуждать Ирод, - и как сразу помертвело молодое лицо, потух взгляд голубых глаз! Что мне было делать, однако? Кто ответит? Никто! Худо мне, совсем худо!”

- Куда направляешься, человек? – услышал Ирод охранника в саду.

- Мне нужно срочно видеть царя! – донесся до Ирода знакомый голос.

- Кому я понадобился в такую рань? – подумал Ирод.

- Кто ты таков? – строго спросил охранник.

- Я Идо, придворный зодчий!

- Эй, охрана, пропустить его! – крикнул в окно встревоженный Ирод.

- Ты бодрствуешь, царь? – вскричал, вбегая, запыхавшийся Идо.

- Одинокому бессонница заменяет сон. Случилось что?

- Сейчас скажу. Сначала сядь, не стой!

- Хороших новостей не жду, к плохим готов и не боюсь упасть.

- Ирод, сядь, не стой!

- Вот, я сижу, говори!

- Я тоже должен сесть.

- Не томи!

- Элия погиб!

- Что?

- Элия погиб!

- Как?

- Его тело нашли охранники. У дальней башни дворцовой стены. Должно быть, он бросился головой вниз на камни.

- Где он?

- В мертвецкой. Накануне я провожал его домой. Он был мрачнее тучи. Молчал, не разговаривал. Вдруг исчез в темноте. Я поднял на ноги охрану. Потом вернулся домой, стал ждать. Ко мне постучали ночью, сказали, что найдено и доставлено тело, не желаю ли взглянуть.

- Не плачь, Идо! Ты видишь, я не плачу! Как ты узнал его?

- Еще не рассвело. Факел. Черный мешок на каменном столе. Я просунул руку, нащупал знакомый шрам на кисти. Последние сомнения ушли. С рассветом убедился – нет ошибки.

- Ты дома ждал. Почему не искал? Почему не известил нас с Пниной, как только Элия пропал? Кто

знает, может быть, спасли бы! Для торжества несчастья довольно, чтобы хорошие люди сидели сложа руки.

- Надеялся, что обойдется. Не хотел тревожить.

- Пусты слова твои. Глухота к чужой беде. Время вспять не повернешь. Я иду к Пнину. Отправляйся в мертвецкую. Жди нас там.

Ирод постучал в дверь покоев Пнина. Она крепко спала. Он вошел.

- Вставай, Пнина! – произнес не своим голосом Ирод.

- Ты бледен, что случилось? – испугалась Пнина.

- Вставай, Пнина! Погиб Элия!

- Что?

- Погиб Элия!

- Как?

- Одевайся, идем со мною, опознаем сына. Нас ждет Идо. Он расскажет.

Пнина не роняла слез – крепилась или не верила. Разрыдалась, когда увидела мертвое покалеченное тело. Это – Элия. Безмятежное лицо. Примятые кудри. Идо подал матери стул, поднес кружку с водой.

- Ты так любил его, обожал! – едва проговорила Пнина, обращаясь к Ироду.

- Я не умел любить! – глухо возразил Ирод.

- Разве любить можно уметь или не уметь? – изумился Идо.

- Дитя надо любить таким, каким оно природой создано, а не таким, каким ты его мыслишь себе! – ответил Ирод, - я потерял всех сыновей моих, мы с Пниной у необратимости в плену. Горе нам!

2

Через пять дней после смерти сына Элии скончался сам царь, великий Ирод. Скорбел Рим, озаботился Иерусалим.

Иудеи не совсем забыли своего покойного монарха – ведь это он перестроил скромный старый храм, превратив его в небывалой красоты и мощи здание-крепость. Возможно, блеск великолепия Божьей обители на земле чересчур слепил глаза избранных, и очень скоро они сподвигли императора на разрушение храма. Милосердные римляне оставили на память иудеям одну могучую стену – дабы было тем кого проклинать и о чем плакать. Иные деяния Ирода удостоились меньшего исторического внимания иудеев.

Христиане не остались в стороне и наряду с иудеями тоже отдали дань памяти великому царю. Ясновидцам сей веры открылся достоверный факт. Якобы Ироду стало известно, что среди тысяч новорожденных Вифлеема есть будущий Мессия, коему предначертано покусится на царскую власть. Не зная, которого из

малюток следует убить, Ирод приказал уничтожить всех младенцев без разбору.

Тель-Авив 2023